

ИЗБРАННЫЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ БОЛЬШОЙ ПАЛАТЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

Дело «Станев (Stanev) против Болгарии»¹

(Жалоба № 36760/06)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ²

г. Страсбург, 17 января 2012 г.

По делу «Станев против Болгарии» Европейский Суд по правам человека, заседая Большой Палатой в составе:

сэра Николаса Братцы, *Председателя Большой Палаты Суда*,
Жан-Поля Косты,
Франсуазы Тюлькенс,
Йосепа Касадеваля,
Нины Ваич,
Дина Шпильманна,
Леха Гарлицкого,
Ханлара Гаджиева,
Эгберта Мийера,
Изабель Берро-Лефевр,
Луиса Лопеса Герра,
Мирьяны Лазаровой Трайковской,
Здравки Калайджиевой,
Анны Юдковской,
Винсента А. де Гаэтано,
Ангелики Нуссбергер,
Юлии Лаффранк, *судей*,
а также при участии Венсана Берже, *юрисконсульта Суда*,
рассмотрев дело в закрытых заседаниях 9 февраля и 7 декабря 2011 г.,
вынес в последнюю указанную дату следующее Постановление:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобой № 36760/06, поданной против Республики Болгария в Европейский Суд по правам челове-

ка (далее – Европейский Суд) в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) гражданином Болгарии Руси Косевым Станевым (*Rusi Kosev Stanev*) (далее – заявитель) 8 сентября 2006 г.

2. Заявитель, которому было предоставлено право на оплату юридической помощи, был представлен адвокатом А. Геновой (*A. Genova*), практикующей в г. Софии, В. Ли (*V. Lee*) и Л. Нельсон (*L. Nelson*), адвокатами Центра защиты лиц с психическими расстройствам, неправительственной организации, которая находится в г. Будапеште, Венгрия. Власти Болгарии были представлены их Уполномоченными при Европейском Суде Н. Николовой (*N. Nikolova*) и Р. Николовой (*R. Nikolova*), сотрудниками Министерства юстиции Болгарии.

3. Заявитель жаловался на его помещение в приют социальной защиты для лиц с психическими расстройствами и на отсутствие у него возможности получить разрешение покинуть данный приют (пункты 1, 4 и 5 статьи 5 Конвенции). Ссылаясь на статью 3 Конвенции и на эту же статью во взаимосвязи со статьей 13 Конвенции, он также жаловался на условия нахождения в приюте. Он также утверждал, что у него не было доступа к суду для того, чтобы просить освобождения из-под опеки. Наконец, он утверждал, что ограничения, связанные с применением к нему режима попечительства, включая его помещение в приют, нарушали его право на уважение личной жизни по смыслу статьи 8 Конвенции и этой же статьи во взаимосвязи со статьей 13 Конвенции.

4. Жалоба была распределена в Пятую Секцию Европейского Суда (пункт 1 правила 52 Регламента Европейского Суда). 29 июня 2010 г., после проведения 10 ноября 2009 г. слушания по вопросу о приемлемости жалобы и по существу дела (пункт 3 правила 54 Регламента Европейского Суда), жалоба была объявлена приемлемой для рассмотрения по существу Пятой Секцией Палаты Европейского Суда в следующем составе: Пэра Лоренсена, Председателя, Ренате Егер, Карела Юнгвирта, Райта Марусте, Изабель Берро-Лефевр, Мирьяны Лазаровой Трайковской и Здравки Калайджиевой, судей, а также при участии Клаудии Вестердийк, Секретаря Секции Суда. 14 сентября 2010 г. Палата Европейского Суда, состоявшая из судей той же Секции, а именно Пэра Лоренсена, Председателя, Ренате Егер, Райта Марусте, Марка Виллигера, Изабель Берро-Лефевр, Мирьяны Лазаровой Трайковской и Здравки Калайджиевой, судей, а также при участии Клаудии Вестердийк, Секретаря Секции Суда, уступила юрисдикцию в пользу Большой Палаты Европейского Суда, и ни одна из сторон не возражала против этого (статья 30

¹ Перевод с английского языка А.С. Новиковой.

² Настоящее Постановление вступило в силу 17 января 2012 г. в соответствии с пунктом 1 статьи 44 Конвенции (*примеч. редактора*).

Конвенции и правило 72 Регламента Европейского Суда).

5. Состав Большой Палаты Европейского Суда был определен на основании пунктов 4 и 5 статьи 26 Конвенции и правила 24 Регламента Европейского Суда.

6. Заявитель и власти Болгарии представили свои письменные замечания по существу дела.

7. Кроме того, были получены комментарии от неправительственной организации «Интерайтс» (*Interights*), которой Председатель Европейского Суда предоставил право участвовать в письменном разбирательстве дела (пункт 2 статьи 36 Конвенции и пункт 2 статьи 44 Регламента Европейского Суда).

8. Открытое слушание по настоящему делу состоялось 9 февраля 2011 г. во Дворце прав человека в г. Страсбурге (пункт 3 правила 59 Регламента Европейского Суда).

В заседании Большой Палаты Европейского Суда приняли участие:

(а) со стороны властей Болгарии:

Н. Николова,

Р. Николова, *сотрудницы Министерства юстиции Болгарии, Уполномоченные Болгарии при Европейском Суде;*

(b) со стороны заявителя:

А. Генова, адвокат,

В. Ли, консультант,

Л. Нельсон, советник.

Европейский Суд заслушал выступления упомянутых выше лиц. Заявитель также присутствовал на слушании.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

9. Заявитель родился в 1956 году в г. Русе (*Ruse*), где жил до декабря 2002 года и где проживают его сестра и вторая жена его отца, его единственные близкие родственники. 20 декабря 1990 г. в результате осмотра соответствующей коллегией специалистов он был признан нетрудоспособным. Коллегия пришла к следующему выводу: поскольку в 1975 году заявителю был поставлен диагноз «шизофрения», степень нетрудоспособности заявителя составляла 90%, но ему не требовалось оказание какой-либо помощи. В связи с этим заявитель получает пенсию по инвалидности.

А. УСТАНОВЛЕНИЕ ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА НАД ЗАЯВИТЕЛЕМ И ЕГО ПОМЕЩЕНИЕ В ПРИЮТ ПО ОКАЗАНИЮ СОЦИАЛЬНОЙ ПОМОЩИ ЛИЦАМ С ПСИХИЧЕСКИМИ РАССТРОЙСТВАМИ

10. В неустановленную дату в 2000 году по ходатайству двух родственников заявителя прокурор

Русской области обратился в Русский окружной суд (*Окръжен съд*) с требованием признать заявителя полностью недееспособным. В решении от 20 ноября 2000 г. окружной суд объявил заявителя ограниченно недееспособным на основании того, что с 1975 года он болел шизофренией и что его способность самостоятельно вести свои дела и заботиться о своих интересах, а также понимать последствия собственных действий была нарушена. Окружной суд решил, что состояние заявителя не было настолько серьезным, чтобы требовать признания его полностью недееспособным. Окружной суд, в частности, отметил, что в период с 1975 по 2000 год заявитель несколько раз находился в психиатрической больнице. Окружной суд принял во внимание заключение медицинской экспертизы, которое было представлено в ходе производства по делу, и допросил заявителя. Кроме того, по словам некоторых лиц, допрошенных судом, заявитель продал всё свое имущество, занимался попрошайничеством, тратил все деньги на алкоголь и вел себя агрессивно, когда был пьян.

11. 12 апреля 2001 г., рассмотрев дело по жалобе заявителя, Великотырновский (*Велико Търново*) апелляционный суд (*Апелативен съд*) оставил решение Русского окружного суда в силе. Данное постановление 7 июня 2001 г. было передано в Русский муниципальный совет для назначения заявителю попечителя.

12. Поскольку члены семьи заявителя отказались выполнять обязанности попечителей, 23 мая 2002 г. муниципальный совет назначил Р.Р., сотрудника совета, попечителем заявителя на срок до 31 декабря 2002 г.

13. 29 мая 2002 г. Р.Р. обратилась в социальные службы г. Русе с требованием поместить заявителя в приют для лиц с психическими расстройствами. Она приложила к заявлению ряд документов, в том числе касающиеся наличия у заявителя психического заболевания. Социальные службы составили заключение о состоянии здоровья заявителя, отметив 23 июля 2002 г., что он страдал шизофренией, жил один в маленькой обветшавшей пристройке к дому его сестры и что, по словам сестры заявителя и второй жены его отца, последние не хотели быть его попечителями. Таким образом, Р.Р. полагала, что требования для помещения в приют социальной защиты были выполнены.

14. 10 декабря 2002 г. было заключено соглашение о помещении заявителя в социальное учреждение между Р.Р. и приютом социальной защиты для совершеннолетних лиц с психическими расстройствами, который находился рядом с деревней Пастра (*Pastra*) муниципалитета г. Рила (*Rila*) (далее – Пастрский приют социальной защиты), учреждением, которое относилось к ведению Министерства труда и социальной политики Болгарии. Заявитель не был уведомлен о заключении данного соглашения.

15. Позже в тот же день заявителя увезли на машине «скорой помощи» в Пастрский приют социальной защиты, который находился на расстоянии около 400 километров от г. Русе. В ходе разбирательства дела в Европейском Суде заявитель утверждал, что ему не объяснили, почему его поместили в это учреждение и на какой срок, власти Болгарии не оспаривали данный довод.

16. 14 декабря 2002 г. по заявлению директора Пастрского приюта социальной защиты заявитель был зарегистрирован по месту жительства в муниципалитете г. Рила. В справке о месте жительства было указано, что адрес был изменен для целей «постоянного надзора». Согласно последним по дате доказательствам, представленным в феврале 2011 года, заявитель всё еще продолжал проживать в приюте на тот момент.

17. 9 сентября 2005 г. адвокат заявителя обратилась в муниципальный совет г. Рила с требованием о назначении попечителя ее клиенту. Письмом, датированным 16 сентября 2005 г., ее уведомили о том, что 2 февраля 2005 г. муниципальный совет принял решение назначить попечителем заявителя директора Пастрского приюта социальной защиты.

В. НАХОЖДЕНИЕ ЗАЯВИТЕЛЯ В ПАСТРСКОМ ПРИЮТЕ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ

1. Положения соглашения о помещении в приют

18. В соглашении, подписанном между попечителем R.P. и Пастрским приютом социальной защиты 10 декабря 2002 г. (см. выше § 14), не упоминалось имя заявителя. В нем указывалось, что приют был обязан предоставлять заявителю питание, одежду, медицинскую помощь, услуги по отоплению и, конечно, обеспечивать его жильем в обмен на выплату суммы, установленной законом. Представляется, что пенсия заявителя по инвалидности в полном размере перечислялась приюту в счет данной суммы. В соответствии с соглашением 80% от этой суммы подлежали использованию в качестве оплаты предоставляемых услуг, а 20% должны были быть отложены для личных расходов. Согласно материалам дела размер пенсии заявителя по инвалидности в 2008 году составлял 130 болгарских левов (около 65 евро). В соглашении не уточнялся срок предоставления упомянутых услуг.

2. Описание места, в котором находился заявитель

19. Пастрский приют социальной защиты расположен в изолированной области в горах Рильского массива на юго-востоке Болгарии. К нему ведет грязная дорога от Пастры, ближайшего населенного пункта, расположенного на расстоянии 8 километров.

20. Приют, построенный в 1920-х годах, состоит из трех зданий, в котором размещаются его жильцы, все мужчины, в зависимости от состояния их психического здоровья. Согласно заключению агентства социальной защиты от апреля 2009 года в приюте проживали 73 человека, один находился в больнице, а двое сбежали. Среди жильцов 23 человека были полностью лишены дееспособности, двое – ограничены в дееспособности, остальные были полностью дееспособны. Около каждого здания был двор, окруженный высоким металлическим забором. Заявителя поместили в третий блок, в котором проживали лица с наименее серьезными психическими заболеваниями. Они могли свободно передвигаться в пределах учреждения и самостоятельно посещать близлежащую деревню при условии получения предварительного разрешения.

21. По словам заявителя, здание разваливалось, было грязным и редко отапливалось зимой, в результате чего ему и другим жильцам приходилось зимой спать в пальто. Заявитель жил в комнате площадью 16 кв. м вместе с четырьмя другими жильцами, и их кровати располагались практически вплоты. В распоряжении заявителя был только прикроватный стол, чтобы хранить одежду, однако ночью он предпочитал хранить ее в кровати, поскольку боялся, что ее украдут и заменят старой. У жильцов приюта не было собственной одежды, поскольку после стирки одежду не возвращали тем же лицам, у которых ее забирали.

3. Питание и санитарно-гигиенические условия

22. Заявитель утверждал, что питания было недостаточно и оно было плохого качества. Он не мог выбирать блюда или помогать их готовить.

23. Доступ в ванную, которая имела антисанитарный и ветхий вид, разрешался раз в неделю. Туалеты, которые находились во дворе и были в плохом гигиеническом и техническом состоянии, представляли собой выкопанные в земле ямы, закрытые старыми крышками. Каждым туалетом пользовались как минимум восемь человек. Туалетные принадлежности предоставлялись лишь периодически.

4. Последние события

24. В своих письменных замечаниях, представленных в Большую Палату Европейского Суда, власти Болгарии указали, что в конце 2009 года был сделан ремонт в той части здания, в которой проживал заявитель, в том числе в санузлах. Теперь в здании было центральное отопление. Питание было разнообразным, в него регулярно включались фрукты и овощи, а также мясо. У жильцов был доступ к телевидению, книгам и играм. Руководство приюта предоставляло им одежду. Заявитель не оспаривал данные утверждения.

5. Поездки заявителя

25. Удостоверявшие личность документы заявителя хранились у руководства приюта, поэтому он мог покидать приют только с разрешения его директора. Он регулярно посещал деревню Пастра. Представляется, что во время таких посещений он в основном помогал жителям деревни по дому или выполнял различные поручения в местном ресторане.

26. В период с 2002 по 2006 год заявитель посещал г. Русе три раза с разрешения руководства. Продолжительность каждой поездки составляла около 10 дней. Стоимость поездки была 60 левов (около 30 евро). Эту сумму оплачивало руководство приюта.

27. После первых двух поездок в г. Русе заявитель возвращался в Пастрский приют социальной защиты до конца разрешенного периода отсутствия. Согласно заявлению директора данного приюта прокурору в неустановленную дату заявитель возвращался рано, поскольку не мог распоряжаться своими финансами и не имел жилья.

28. Третья поездка была разрешена в период с 15 по 25 сентября 2006 г. После того, как заявитель не вернулся в установленную дату, 13 октября 2006 г. директор Пастрского приюта социальной защиты обратился в муниципальную полицию г. Русе с просьбой о розыске заявителя и его доставлении в г. Софию, где сотрудники приюта смогли бы его забрать и отвезти обратно в деревню Пастра. 19 октября 2006 г. полиция г. Русе известила директора Пастрского приюта социальной защиты о том, что местонахождение заявителя было установлено, однако полиция не могла доставить его в указанный пункт, поскольку он не был объявлен в розыск. 31 октября 2006 г. заявителя доставили обратно в приют, как предполагается, сотрудники учреждения.

6. Возможности для проведения досуга

29. У заявителя был доступ к телевизору, некоторым книгам и шахматам в общей комнате приюта до 15.00, после этого комната была закрыта. Комната для досуга не обогревалась зимой, и жильцы оставались в пальто, шапках и перчатках, когда находились там. У них не было доступа к другим социальным, культурным или спортивным занятиям.

7. Переписка заявителя

30. Заявитель утверждал, что сотрудники Пастрского приюта социальной защиты отказались предоставить ему конверты для переписки и что, поскольку у него не было доступа к собственным средствам, он не мог их купить сам. Сотрудники приюта предлагали ему отдавать им любые бумаги, которые он хотел отправить, а они бы запечатывали их в конверты и отправляли.

8. Медицинское обслуживание

31. Из медицинской справки от 15 июня 2005 г. (см. ниже § 37) следует, что после того, как заявитель был помещен в приют в 2002 году, он принимал антипсихотические препараты (карбамазепин (600 мг)) под ежемесячным надзором психиатра.

32. В дополнение к этому в ходе слушания дела в Большой Палате Европейского Суда представители заявителя утверждали, что их клиент находился в состоянии стабильной ремиссии с 2006 года и не проходил какого-либо психиатрического лечения в последние годы.

С. ОЦЕНКА СОЦИАЛЬНЫХ НАВЫКОВ ЗАЯВИТЕЛЯ ВО ВРЕМЯ ЕГО НАХОЖДЕНИЯ В ПРИЮТЕ И ВЫВОДЫ ПСИХИАТРИЧЕСКОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ, СОСТАВЛЕННОГО ПО ТРЕБОВАНИЮ АДВОКАТА

33. Один раз в год директор Пастрского приюта социальной защиты и социальный сотрудник этого приюта составляли оценочные заключения в отношении поведения заявителя и его социальных навыков. В заключениях указывалось, что заявитель был необщителен, предпочитал оставаться один, а не присоединяться к групповым занятиям, отказывался принимать лекарства, что у него не было близких родственников, которых он мог бы посещать, когда уезжал из приюта. У него были плохие отношения с сестрой, и никто не знал, было ли у него жилье за пределами приюта. В заключениях делался вывод об отсутствии у заявителя возможности реинтегрироваться в общество и ставилась цель обеспечить заявителю получение необходимых навыков и знаний для жизни в обществе и в долгосрочной перспективе реинтеграции в семью. Представляется, что заявитель не проходил какой-либо терапии для этих целей.

34. Из материалов дела следует, что в 2005 году попечитель заявителя обратился в муниципальный совет с требованием о назначении заявителю пособия с целью содействовать его реинтеграции в общество. По данному требованию 30 декабря 2005 г. муниципальный совет провел «социальную оценку» (*социална оценка*) заявителя, в результате которой был сделан вывод о том, что заявитель был неспособен работать даже в защищенной среде, не нуждался в обучении или переобучении и что при данных обстоятельствах ему полагалось пособие для покрытия его расходов на транспорт, проживание и лечение. 7 февраля 2007 г. департамент социального обеспечения муниципалитета назначил заявителю ежемесячное пособие в размере 16,50 левов (около 8 евро). 3 февраля 2009 г. размер пособия был увеличен до 19,50 левов (около 10 евро).

35. В дополнение к этому по требованию адвоката 31 августа 2006 г. заявитель был осмотрен

врачом V.S., который не являлся психиатром, регулярно посещавшим приют, и психологом I.A. В заключении, составленном после этого визита, был сделан вывод о том, что диагноз «шизофрения», поставленный заявителю 15 июня 2005 г. (см. ниже § 37), был неточным, поскольку у пациента не наблюдались все симптомы данного заболевания. В заключении указывалось, что, несмотря на то, что заявитель страдал данным заболеванием в прошлом, во время осмотра он не проявлял признаков агрессии, скорее, он проявлял подозрительность и небольшую склонность к «вербальной агрессии». Заявитель не проходил лечения в связи со своим состоянием в период с 2002 по 2006 год и состояние его здоровья заметно стабилизировалось. В заключении отмечалось отсутствие риска ухудшения психического здоровья заявителя и утверждалось, что, по мнению директора Пастрского приюта социальной защиты, заявитель мог reintegrироваться в общество.

36. Согласно заключению нахождение заявителя в Пастрском приюте социальной защиты причиняло большой вред его здоровью, и для него было желательно покинуть данное учреждение. В противном случае у него мог развиваться «синдром институционализации». В заключении также отмечалось, что для психического здоровья и социального развития заявителя ему было бы полезнее интегрироваться в жизнь общества с наименьшим по возможности количеством ограничений и что единственным аспектом, за которым следовало наблюдать, была его склонность к злоупотреблению алкоголем, которая проявлялась и до 2002 года. По мнению экспертов, осматривавших заявителя, поведение человека, зависимого от алкоголя, могло иметь те же признаки, что и поведение человека с шизофренией. Следовательно, в случае заявителя необходимо было проявлять бдительность и осторожность, чтобы не перепутать два различных состояния.

Д. ПОПЫТКИ ЗАЯВИТЕЛЯ ДОБИТЬСЯ ПРЕКРАЩЕНИЯ ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА НАД НИМ

37. 25 ноября 2004 г. заявитель, действуя через своего адвоката, потребовал от прокуратуры обратиться в окружной суд с целью восстановления его дееспособности. 2 марта 2005 г. прокурор запросил у Пастрского приюта социальной защиты заключение врача и иные медицинские документы о заболеваниях заявителя для подготовки возможного обращения в суды с целью восстановления дееспособности заявителя. После данного запроса заявитель находился в психиатрической больнице с 31 мая по 15 июня 2005 г. для медицинского обследования. В справке, выданной 15 июня 2005 г., врачи подтвердили, что у заявителя наблюдались признаки шизофрении. Поскольку состояние здоровья заявителя не ухудшилось

с того момента, когда он был помещен в приют в 2002 году, применявшийся к нему режим оставался неизменным. С 2002 года он ежемесячно принимал поддерживающие препараты под постоянным наблюдением психиатра. Психологическое обследование показало, что заявитель был возбужден, напряжен и подозрителен. Его навыки общения не были развиты, и он не осознавал, что болен. Он сказал, что хочет покинуть приют любой ценой. Врачи не выразили своего мнения ни относительно способности заявителя к реинтеграции, ни о необходимости его дальнейшего пребывания в Пастрском приюте социальной защиты.

38. 10 августа 2005 г. окружной прокурор отказался подать заявление в суд о восстановлении дееспособности заявителя на основании того, что, по мнению врачей, директора Пастрского приюта социальной защиты и социального работника данного учреждения, заявитель был неспособен действовать самостоятельно и что приют, где заявитель мог проходить лечение, был для него наиболее подходящим местом. Адвокат заявителя оспорила отказ окружного прокурора, утверждая, что ее клиенту должна была быть предоставлена возможность самому решать с учетом условий жизни в приюте, отвечало ли его интересам продолжение нахождения в нем. Она указала, что принудительное продолжение пребывания в приюте под предлогом предоставления ему лечения в его интересах представляло собой на практике лишение свободы, и такая ситуация была неприемлемой. Лицо не могло быть помещено в учреждение без его согласия. В соответствии с действовавшим законодательством любое лицо, которое находилось под попечительством, имело право выбирать свое место жительства с согласия попечителя. Таким образом, место проживания не относилось к числу вопросов, которые находились в ведении прокуратуры. Несмотря на данные возражения, 11 октября 2005 г. отказ окружного прокурора был оставлен в силе апелляционным прокурором и впоследствии, 29 ноября 2005 г., Главной прокуратурой при Верховном кассационном суде.

39. 9 сентября 2005 г. заявитель через своего адвоката обратился к мэру г. Рила с требованием подать в суд заявление о прекращении попечительства над ним. В письме от 16 сентября 2005 г. мэр г. Рила отказал заявителю, указав, что для таких действий отсутствовали основания с учетом выводов, содержащихся в медицинской справке от 15 июня 2005 г., мнения директора Пастрского приюта социальной защиты, социального работника и прокуратуры. 28 сентября 2005 г. адвокат заявителя обратилась в Дупницкий (*Dupnitsa*) районный суд с требованием пересмотра решения мэра в соответствии со статьей 115 Семейного кодекса Болгарии (см. ниже § 49). В письме от 7 октября 2005 г. Дупницкий районный суд указал, что, поскольку заявитель был ограниченно дееспособен,

он должен был предоставить действительную доверенность, подтверждавшую, что его адвокат был уполномочен представлять его и что надлежало уточнить, участвовал ли попечитель заявителя в процессе. В неустановленную дату адвокат заявителя предоставила копию доверенности, подписанной заявителем. Она также просила привлечь попечителя к участию в производстве в качестве заинтересованной стороны или назначить представителя *ad hoc*. 18 января 2006 г. Дупницкий районный суд провел судебное заседание, в котором представитель мэра г. Рила высказал возражение, утверждая, что доверенность была недействительной, поскольку она не была подписана попечителем. Попечитель, присутствовавший в заседании, указал, что он не возражал против требований заявителя, но что пенсия последнего по старости была недостаточной, чтобы его обеспечить, и что, соответственно, Пастрский приют социальной защиты был для него наилучшим местом.

40. 10 марта 2006 г. Дупницкий районный суд вынес решение по делу. Что касается приемлемости заявления для рассмотрения по существу, Дупницкий районный суд отметил, что, несмотря на то, что заявитель наделил адвоката полномочиями представлять его, у нее не было права действовать от имени заявителя, поскольку доверенность не была подписана попечителем. Однако Дупницкий районный суд решил, что выражение попечителем согласия с доверенностью в ходе судебного заседания означало признание всех процессуальных действий адвоката действительными, и поэтому заявление могло быть рассмотрено по существу. Изучив дело по существу, Дупницкий районный суд отказал в удовлетворении заявления, указав, что у попечителя не было законного интереса оспаривать отказ мэрии, учитывая, что попечитель мог самостоятельно и непосредственно подать заявление о прекращении попечительства над заявителем. Решение этого суда не было обжаловано и вступило в силу.

41. Наконец, заявитель утверждал, что несколько раз он устно просил своего попечителя подать заявление о прекращении над ним попечительства и о предоставлении ему разрешения покинуть приют. Однако он всегда получал отказы.

II. СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО БОЛГАРИИ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА

А. ПРАВОВОЙ СТАТУС ЛИЦ, В ОТНОШЕНИИ КОТОРЫХ УСТАНОВЛЕНО ПОПЕЧИТЕЛЬСТВО, И ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО ИХ ИНТЕРЕСОВ В СУДАХ

42. Статья 5 Закона о лицах и семье от 9 августа 1949 г. предусматривала, что лица, которые неспо-

собны заботиться о собственных интересах в связи с психическим заболеванием или психическим расстройством, должны быть полностью лишены дееспособности и объявлены полностью недееспособными. Совершеннолетние лица с менее выраженными формами таких расстройств должны были признаваться ограниченно дееспособными. В отношении лиц, полностью лишенных дееспособности, устанавливалась опека (*настойничество*), а в отношении ограниченно дееспособных лиц – попечительство (*попечителство*). В соответствии со статьями 4 и 5 Закона о лицах и семье лица, над которыми было установлено попечительство, не могли совершать юридические сделки без согласия попечителя. Однако они могли выполнять обычные действия, составляющие часть повседневной жизни, и иметь доступ к средствам, полученным в качестве вознаграждения за их труд. Соответственно, попечитель ограниченно дееспособного лица не мог самостоятельно совершать юридические сделки, которые имели обязательную юридическую силу для данного лица. Это означало, что договоры, подписанные только попечителем без согласия ограниченно дееспособного лица, были недействительными.

43. Согласно пункту 2 статьи 16 Гражданского процессуального кодекса Болгарии (далее – ГПК Болгарии) лица, над которыми была установлена опека, должны были быть представлены в судах опекунами. Однако лица, над которыми было установлено попечительство, имели право участвовать в судебных процессах, но с согласия попечителя. Следовательно, попечитель ограниченно дееспособного лица не выполнял роль законного представителя. Попечитель не мог действовать от имени лица, которое находилось под попечительством, но мог выразить согласие или несогласие с индивидуальными операциями лица (см.: *Сталев Ж.* Българско гражданско процесуално право, София, 2006. Р. 171). В частности, лицо, над которым было установлено попечительство, могло давать инструкции адвокату при условии, что доверенность была подписана попечителем (см. *ibid.*).

В. ПРОЦЕДУРА УСТАНОВЛЕНИЯ ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА

44. Процедура установления попечительства включала две стадии: признание лица ограниченно дееспособным и назначение ему попечителя.

1. Признание лица ограниченно дееспособным

45. Первая стадия включала в себя судебное производство, которое в период, относившийся к обстоятельствам настоящего дела, регулировалось статьями 275–277 ГПК Болгарии 1952 года,

которые были воспроизведены без изменений в новом ГПК Болгарии 2007 года (статьи 336–340). Признания лица ограниченно дееспособным могли требовать супруг или близкие родственники лица, прокурор или любое иное заинтересованное лицо. Суд выносил решение после допроса соответствующего лица в открытом судебном заседании или при отсутствии такого допроса, сформировав собственное впечатление относительно состояния лица, и допроса его близких родственников. Согласно законодательству Болгарии, если на основании материалов дела суд не может сделать вывод о необходимости заявления о признании ограниченно дееспособным, должна быть назначена экспертиза (см. Решения на ВС¹ от 21 августа 1961 г. № 1538 по гр. делу № 5408/61, от 4 марта 1967 г. № 593 по гр. делу № 3218/1966).

2. Назначение попечителя административными органами

46. Вторая стадия включала административное производство о назначении попечителя, которое в период, относившийся к обстоятельствам настоящего дела, регулировалось главой X (статьи 109–128) Семейного кодекса 1985 года. Данные положения были воспроизведены с небольшими изменениями в новом Семейном кодексе 2009 года (статьи 153–174). Административное производство проводилось органом, обозначенным как «орган по делам опеки и попечительства», а именно мэром или иным сотрудником муниципального совета, назначенным мэром.

47. Попечитель предпочтительно должен был быть назначен из числа родственников соответствующего лица, которые лучше других могли защитить его интересы.

С. НАДЗОР В ОТНОШЕНИИ МЕР, ПРИНИМАЕМЫХ ПОПЕЧИТЕЛЕМ, ВОЗМОЖНОСТЬ ЕГО ЗАМЕНЫ

48. В отношении мер, принимаемых попечителем, надзор осуществлял орган опеки и попечительства. По требованию данного органа попечитель должен был отчитываться о своих действиях. В случае выявления каких-либо нарушений орган опеки и попечительства мог потребовать их устранения или приостановления спорных мер (см. пункт 2 статьи 126 и статью 125 Семейного кодекса 1985 года, а также статью 170 и пункты 2 и 3 статьи 171 Семейного кодекса 2009 года). Из законодательства Болгарии неясно, могли ли лица, в отношении которых было установлено попечительство, обращаться к мэру лично или через других лиц с целью приостановления мер, принятых попечителем.

¹ Здесь и далее такое оформление ссылок в тексте (*примеч. редактора*).

49. Решения мэра как органа опеки и попечительства, а также любой отказ мэра от назначения попечителя или принятия иных мер, предусмотренных Семейным кодексом, могли быть обжалованы в суд. Они могли быть обжалованы заинтересованными сторонами или прокурором в районный суд, который принимал окончательное решение по существу дела (статья 115 Семейного кодекса 1985 года). Данная процедура позволяла близким родственникам требовать замены попечителя в случае конфликта интересов (см. Решение на ВС от 23 декабря 1993 г. № 1249 по гр. делу № 897/93). В соответствии с законодательством Болгарии полностью лишенные дееспособности лица не относились к числу «заинтересованных сторон», которые могли инициировать такое производство (см. Определение от 11 июня 2003 г. № 5771 на ВАС по адм. делу № 9248/2002). Судебная практика, согласно которой ограниченно дееспособное лицо имеет право это сделать, отсутствует.

50. Более того, орган опеки и попечительства мог в любой момент заменить попечителя, который не выполняет свои обязанности (статья 113 Семейного кодекса 1985 года). Согласно статье 116 Семейного кодекса 1985 года лицо не может быть назначено попечителем при наличии конфликта интересов между данным лицом и лицом, над которым установлено попечительство. В силу статьи 123 Семейного кодекса, если попечитель не имеет возможности исполнять свои обязанности или в случае конфликта интересов, должен быть назначен второй попечитель. В обоих случаях орган опеки и попечительства также может назначить представителя *ad hoc*.

Д. ПРОЦЕДУРА ВОССТАНОВЛЕНИЯ ДЕЕСПОСОБНОСТИ

51. В соответствии со статьей 277 ГПК Болгарии 1952 года данная процедура аналогична процедуре установления попечительства. Ее может инициировать любое лицо, которое имеет право требовать установления попечительства, а также орган опеки и попечительства и попечитель. Упомянутое выше положение было воспроизведено в статье 340 ГПК Болгарии 2007 года. 13 февраля 1980 г. Пленум Верховного суда Болгарии вынес Решение № 5/79 с целью разъяснения некоторых вопросов, касающихся процедуры лишения дееспособности. Пункт 10 данного решения касался процедуры восстановления дееспособности и гласил следующее:

«Правила, которые применяются к процедуре восстановления дееспособности, являются теми же, которые регулируют процедуру лишения дееспособности (пункты 1 и 2 статьи 275 и статья 277 ГПК Болгарии). Лица, которые требуют применения соответствующей меры, или близкие родственники рассматриваются как ответчики в ходе данной процедуры. Ничто не препятствует стороне, которая требует лишения лица дееспособности, которая требует лишения лица дееспособности, которая требует лишения лица дееспособности».

способности, ходатайствовать о прекращении действия соответствующей меры, если обстоятельства изменились.

Лица, находящиеся под попечительством, могут требовать как лично, так и с согласия их попечителя отмены данной меры. Они также могут просить орган опеки и попечительства или соответствующий совет подать иск на основании статьи 277 ГПК Болгарии в окружной суд, который принял решение о лишении дееспособности. В таких случаях они должны доказать, что иск подан в их интересах путем представления медицинских документов. В контексте данного искового производства они рассматриваются как истцы. Если попечитель ограниченно дееспособного лица, орган опеки и попечительства или соответствующий совет (в случае полностью лишённого дееспособности лица) отказывается подать иск о восстановлении дееспособности, недееспособное лицо может просить прокурора сделать это (см. Постановление Пленума на ВС от 13 февраля 1980 г. № 5/79)¹.

52. В дополнение к этому власти Болгарии сослались на дело, в котором производство в отношении пересмотра юридического статуса полностью лишённого дееспособности лица было инициировано по ходатайству опекуна, и данное лицо было освобождено из-под опеки (см. Решение от 12 ноября 2008 г. № 1301 на ВКС по гр. делу № 5560/2007 г., V г.о.).

Е. ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ ДОГОВОРОВ, ПОДПИСАННЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ НЕДЕЕСПОСОБНЫХ ЛИЦ

53. Пункт 2 статьи 26 Закона об обязательствах и договорах предусматривал, что договоры, не соответствующие закону или заключённые при отсутствии согласия, являлись недействительными.

54. В соответствии со статьёй 27 того же закона договоры, заключённые представителями лиц, лишённых дееспособности, с нарушением соответствующих правил являлись недействительными, ничтожными или оспоримыми. О ничтожности договора можно было заявить в любое время, а об оспоримости – только путем подачи искового заявления в суд. Об оспоримости можно было заявить в течение трех лет после прекращения попечительства при отсутствии назначения попечителя. В иных случаях срок исковой давности начинал течь с даты назначения попечителя (пункт 2 статьи 32 Закона об обязательствах и договорах во взаимосвязи с подпунктом «е» пункта 1 статьи 115 данного закона, см. также Решение на ВС от 14 марта 1963 г. № 668 по гр. делу № 250/63 г., I г.о., Решение на Окружного суда Стара Загора от 2 февраля 2010 г. по т. д¹. № 381/2009 на I состав, Решение на районный суд Стара Загора от 19 мая 2009 г. № 459 по гр. делу № 1087/2008).

Г. МЕСТО ЖИТЕЛЬСТВА НЕДЕЕСПОСОБНЫХ ЛИЦ

55. В соответствии со статьёй 120 и пунктом 3 статьи 122 Семейного кодекса 1985 года лица, лишённые дееспособности, считались проживающими по адресу своего опекуна или попечителя при отсутствии «исключительных обстоятельств», требующих, чтобы они проживали в другом месте. Если место жительства было изменено без согласия опекуна или попечителя, последний мог обратиться в районный суд с требованием предписать соответствующему лицу вернуться проживать по официальному адресу. В соответствии с пунктами 2 и 3 статьи 163 Семейного кодекса 2009 года до вынесения решения по такому делу суд был обязан допросить лицо, над которым были установлены опека или попечительство. Если суд считал, что имели место «исключительные обстоятельства», он отказывал в вынесении предписания о возвращении и немедленно информировал департамент социальной помощи муниципалитета с целью принятия защитных мер.

56. На приказ районного суда могла быть подана жалоба председателю окружного суда, но исполнение приказа не могло быть приостановлено.

Г. ПОМЕЩЕНИЕ НЕДЕЕСПОСОБНЫХ ЛИЦ В ПРИЮТЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ ДЛЯ СОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ЛИЦ С ПСИХИЧЕСКИМИ РАССТРОЙСТВАМИ

57. В соответствии с Законом о социальной защите от 1998 года социальная защита предоставлялась лицам, которые по медицинским и социальным показаниям были неспособны самостоятельно удовлетворять свои основные потребности путем трудовой деятельности за счет своего имущества или с помощью лиц, которые по закону были обязаны заботиться о них (статья 2). Социальная защита заключалась в предоставлении различных финансовых выплат, льгот и социальных услуг, включая помещение в специализированные учреждения. Подобные льготы предоставлялись на основании индивидуальной оценки нужд соответствующего лица и в соответствии с его или ее пожеланиями и предпочтениями (пункт 2 статьи 16 Закона о социальной защите).

58. Согласно Положению о применении Закона о социальной защите (*Правилник за прилагане на Закона за социално подпомагане*) (далее – Положение) три категории учреждений относились к «специализированным учреждениям» для предоставления социальных услуг: 1) детские дома (дома для детей, лишённых родительской заботы, для детей с физическими недостатками, для детей с психическими расстройствами); 2) дома для совершеннолетних лиц с ограниченными возможностями (для совершеннолетних с умственной отсталостью,

¹ Здесь и далее такое оформление ссылок в тексте (примеч. редактора).

для совершеннолетних с психическими расстройствами, для совершеннолетних с физическими недостатками, для совершеннолетних с расстройствами органов чувств, для совершеннолетних лиц, страдающих деменцией); 3) дома престарелых (часть 3 пункта 36 Положения). Социальные услуги предоставлялись в специализированных учреждениях, если отсутствовала возможность дальнейшего их получения при проживании в обществе (часть 4 пункта 36 Положения). Согласно законодательству Болгарии помещение недееспособного лица в приют социальной защиты не рассматривалось как форма лишения свободы.

59. Аналогичным образом в соответствии с Декретом от 16 марта 1999 г. № 4 об условиях получения социальных услуг (*Наредба № 4 за условия та и реда за извършване на социални услуги*) совершеннолетние лица с психическими расстройствами помещались в специализированные приюты социальной помощи при отсутствии возможности предоставления им необходимой медицинской помощи в семейной обстановке (пункт 4 статьи 12 и статья 27 названного декрета). Пункт 3 части 1 статьи 33 Декрета об условиях получения социальных услуг предусматривал, что, если лицо помещено в приют социальной защиты, должна быть представлена медицинская справка о состоянии здоровья данного лица. В соответствии с частью 1 статьи 37 данного декрета соглашение о помещении в приют с целью предоставления социальных услуг подписывалось между специализированным учреждением и соответствующим лицом или законным представителем лица на основании модельного соглашения, утвержденного Министерством труда и социальной политики. Лицо могло быть переведено в другой приют или покинуть учреждение, в котором оно находилось (1) по его или ее просьбе или по ходатайству законного представителя, выраженному в письменном обращении к директору учреждения, (2) при изменении состояния физического или психического здоровья лица, в результате которого оно более не соответствовало профилю учреждения, (3) в случае отсутствия оплаты ежемесячного социального взноса за период более, чем один месяц, (4) при систематических нарушениях внутренних правил учреждения либо (5) в случае подтвержденной наркотической зависимости.

60. Кроме того, в Законе о здравоохранении 2005 года, который заменил Закон о государственном здравоохранении 1973 года, была определена система приема в психиатрические больницы для обязательного лечения.

Н. НАЗНАЧЕНИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ *AD HOC* В СЛУЧАЕ КОНФЛИКТА ИНТЕРЕСОВ

61. Часть 6 статьи 16 ГПК Болгарии предусматривала, что в случае конфликта интересов между представляемым лицом и представителем суд

назначал представителя *ad hoc*. Суды Болгарии применяли данное положение в ситуациях конфликта интересов между несовершеннолетними лицами и их законными представителями. Так, отсутствие назначения представителя *ad hoc* было признано существенным нарушением положений, регулирующих установление отцовства (см. Решение на ВС от 15 апреля 1987 г. № 297 по гр. делу № 168/87 г., II г.о.), споры между приемными и биологическими родителями (см. Решение на ВС от 10 мая 1982 г. № 1381 по гр. делу № 954/82 г., II г.о.) или споры об имуществе (см. Решение от 27 июля 2000 г. № 643 на ВКС по гр. делу № 27/2000 г., II г.о., Определение на ОС – Велико Търново от 5 ноября 2008 г. по в.ч. гр. делу № 963/2008).

І. ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ГОСУДАРСТВА

62. Закон об ответственности органов государственной власти и органов местного самоуправления в случае причинения вреда (*Закон за отговорността на държавата и общините за вреди*, название было изменено в 2006 году) (далее – Закон об ответственности) предусматривал в пункте 1 статьи 2, что государство несет ответственность за ущерб, причиненный частным лицам в результате судебного решения о применении некоторых видов лишения свободы, если данное решение было впоследствии отменено как лишенное правовых оснований.

63. Пункт 1 статьи 1 Закона об ответственности предусматривал, что государство и муниципалитет несут ответственность за ущерб, причиненный частным лицам и организациям в результате незаконных решений, действий или бездействия со стороны органов или должностных лиц при выполнении ими своих административных обязанностей.

64. В ряде решений различные суды Болгарии признавали данную статью применимой в случае причинения ущерба заключенным в результате ненадлежащих условий содержания или отсутствия эффективной медицинской помощи в пенитенциарном учреждении, а также полностью или частично удовлетворяли требования о компенсации, заявленные соответствующими лицами (см. Решения от 26 января 2004 г. по гр. делу № 959/2003, ВКС, IV г.о., от 7 августа 2007 г. № 330 по гр. делу № 92/2006, ВКС, IV г.о.).

65. Судебные решения, в которых упомянутое выше положение Закона об ответственности было бы признано применимым к жалобам на ненадлежащие условия содержания в приютах социальной защиты, отсутствуют.

66. Кроме того, из прецедентной практики судов Болгарии следует, что в соответствии с пунктом 1 статьи 1 Закона об ответственности любое лицо, чье здоровье ухудшилось в результате того, что органы, находившиеся в ведении Министерства здравоохранения, не выполнили своей обязанно-

сти по предоставлению регулярного снабжения медикаментами, может привлечь административные органы к ответственности и получить компенсацию (см. Решение от 27 мая 2008 г. № 211 по гр. делу № 6087/2007, ВКС, V г.о.).

67. Наконец, на государство и его органы распространяются обычные нормы об ответственности за причинение вреда в связи с другими формами причинения ущерба, например, вследствие смерти лица, над которым была установлена опека, при попытке его побега из приюта социальной защиты для совершеннолетних с психическими расстройствами, на основании того, что сотрудники приюта не выполнили своей обязанности по постоянному наблюдению (см. Решение от 26 июня 2009 г. № 693 по гр. делу № 8/2009, ВКС, III г.о.).

Ж. ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ СОТРУДНИКАМИ ПОЛИЦИИ ЗАДЕРЖАНИЯ В СООТВЕТСТВИИ С ЗАКОНОМ О МИНИСТЕРСТВЕ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ОТ 2006 ГОДА

68. Согласно Закону о Министерстве внутренних дел 2006 года сотрудники полиции были, *inter alia*, уполномочены задерживать любого, кто в связи с серьезным психическим расстройством своими действиями создает угрозу общественному порядку или подвергает свою жизнь очевидной опасности (пункты 1–3 статьи 63). Соответствующее лицо могло оспорить законность задержания в суде, который был обязан вынести постановление немедленно (пункт 4 статьи 63 данного закона).

69. Кроме того, к полномочиям полиции относился розыск пропавших лиц (пункт 3 статьи 193 названного закона).

К. ПРЕДОСТАВЛЕННЫЕ ЗАЯВИТЕЛЕМ СВЕДЕНИЯ ОТНОСИТЕЛЬНО РОЗЫСКА ЛИЦ, КОТОРЫЕ СБЕЖАЛИ ИЗ ПРИУТОВ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ ДЛЯ СОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ЛИЦ С ПСИХИЧЕСКИМИ РАССТРОЙСТВАМИ

70. Болгарский Хельсинкский комитет провел опрос среди сотрудников полицейских участков по вопросам розыска лиц, которые сбежали из подобных приютов социальной защиты. Из результатов опроса следовало, что отсутствовала какая-либо единообразная практика. Некоторые сотрудники сказали, что, когда им поступал запрос о розыске пропавшего лица от работников приюта, они проводили розыскные мероприятия и доставляли лицо в полицейский участок без предварительного уведомления администрации приюта. Другие сообщали, что проводили розыск, но не задерживали соответствующее лицо ввиду отсутствия у них таких полномочий и извещали работников приюта, которые сами забирали его или ее обратно в приют.

Л. ПРЕДОСТАВЛЕННЫЕ ЗАЯВИТЕЛЕМ СТАТИСТИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ ОТНОСИТЕЛЬНО СУДЕБНЫХ ПРОИЗВОДСТВ О ЛИШЕНИИ ДЕЕСПОСОБНОСТИ

71. Болгарский Хельсинкский комитет получил статистические данные от восьми окружных судов относительно исхода разбирательств о восстановлении дееспособности за период с января 2002 года по сентябрь 2009 года. В течение этого времени 677 человек были лишены дееспособности. Ходатайства о восстановлении дееспособности были поданы в 36 случаях: 10 из них завершились отменой ограничений дееспособности, в восьми случаях лишение дееспособности было заменено ограничением дееспособности, в четырех делах ходатайства были оставлены без удовлетворения, по семи делам производство было прекращено, остальные дела находились на стадии рассмотрения.

III. СООТВЕТСТВУЮЩИЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

А. КОНВЕНЦИЯ О ПРАВАХ ИНВАЛИДОВ, ПРИНЯТАЯ ГЕНЕРАЛЬНОЙ АССАМБЛЕЕЙ ООН 13 ДЕКАБРЯ 2006 г. (А/RES/61/106)

72. Конвенция ООН о правах инвалидов вступила в силу 3 мая 2008 г. Болгария подписала данную Конвенцию 27 сентября 2007 г., но еще не ратифицировала ее. В соответствующих частях Конвенция ООН о правах инвалидов гласит следующее:

«Статья 12. Равенство перед законом

1. Государства-участники подтверждают, что каждый инвалид, где бы он ни находился, имеет право на равную правовую защиту.

2. Государства-участники признают, что инвалиды обладают правоспособностью наравне с другими во всех аспектах жизни.

3. Государства-участники принимают надлежащие меры для предоставления инвалидам доступа к поддержке, которая им может потребоваться при реализации своей правоспособности.

4. Государства-участники обеспечивают, чтобы все меры, связанные с реализацией правоспособности, предусматривали надлежащие и эффективные гарантии предотвращения злоупотреблений в соответствии с международным правом прав человека. Такие гарантии должны обеспечивать, чтобы меры, связанные с реализацией правоспособности, ориентировались на уважение прав, воли и предпочтений лица, были свободны от конфликта интересов и неуместного влияния, были соразмерны обстоятельствам этого лица и подстроены под них, применялись в течение как можно меньшего срока и регулярно проверялись компетентным, независимым и беспристрастным органом или судебной инстанцией. Эти гарантии должны быть соразмерны той степени, в которой

такие меры затрагивают права и интересы данного лица.

5. С учетом положений настоящей статьи государства-участники принимают все надлежащие и эффективные меры для обеспечения равных прав инвалидов на владение имуществом и его наследование, на управление собственными финансовыми делами, а также на равный доступ к банковским ссудам, ипотечным кредитам и другим формам финансового кредитования и обеспечивают, чтобы инвалиды не лишались произвольно своего имущества...

Статья 14. Свобода и личная неприкосновенность

1. Государства-участники обеспечивают, чтобы инвалиды наравне с другими:

а) пользовались правом на свободу и личную неприкосновенность;

б) не лишались свободы незаконно или произвольно и чтобы любое лишение свободы соответствовало закону, а наличие инвалидности ни в коем случае не становилось основанием для лишения свободы.

2. Государства-участники обеспечивают, чтобы в том случае, если на основании какой-либо процедуры инвалиды лишаются свободы, им наравне с другими полагались гарантии, согласующиеся с международным правом прав человека, и чтобы обращение с ними соответствовало целям и принципам настоящей Конвенции, включая обеспечение разумного приспособления».

В. РЕКОМЕНДАЦИЯ КОМИТЕТА МИНИСТРОВ СОВЕТА ЕВРОПЫ О ПРИНЦИПАХ ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ СОВЕРШЕННОЛЕТНИХ НЕДЕЕСПОСОБНЫХ ЛИЦ № R(99)4 (ПРИНЯТА 23 ФЕВРАЛЯ 1999 г.)

73. В соответствующих частях данная рекомендация гласит:

«...Принцип 2. Гибкость правового регулирования

1. Меры защиты или иные правовые меры, используемые для защиты личных или имущественных интересов недееспособных совершеннолетних лиц, должны быть достаточными по своему объему и гибкости для обеспечения надлежащего правового регулирования соответственно различным степеням недееспособности и различным ситуациям...

4. Меры защиты должны включать в необходимых случаях такие, которые не связаны с ограничением дееспособности заинтересованного лица.

Принцип 3. Максимальное сохранение дееспособности

1. Законодательные принципы регулирования должны признавать, насколько это возможно, существование различных степеней недееспособности, а также возможность изменения характера недееспособности с течением времени. Соответственно, меры защиты не должны автома-

тически приводить к полному лишению гражданской дееспособности. Тем не менее ограничение гражданской дееспособности должно быть возможно в тех случаях, когда это является необходимым для защиты заинтересованного лица.

2. В частности, меры защиты не должны автоматически лишать заинтересованное лицо права голосовать, завещать свое имущество, а также выражать согласие или отказываться от любого вмешательства в области здравоохранения, или принимать иные решения личного характера в любое время, когда заинтересованное лицо способно совершать такие действия...

Принцип 6. Соразмерность

1. Там, где необходимо применение меры защиты, она должна быть соразмерна степени дееспособности заинтересованного лица и соответствовать индивидуальным обстоятельствам и потребностям заинтересованного лица.

2. Мера защиты должна ограничивать гражданскую дееспособность, права и свободы заинтересованного лица в минимальной степени, соответствующей цели такого ограничения...

Принцип 13. Право быть заслушанным лично

Заинтересованное лицо должно иметь право быть лично заслушанным в любом процессе, затрагивающем его дееспособность.

Принцип 14. Длительность, пересмотр и обжалование

1. Срок действия мер защиты, насколько это возможно и соответствует обстоятельствам, должен быть ограничен. Необходимо рассматривать возможность установления периодического пересмотра...

3. Должно быть предусмотрено эффективное право обжалования...».

С. ДОКЛАДЫ ЕВРОПЕЙСКОГО КОМИТЕТА ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ ПЫТОК И БЕСЧЕЛОВЕЧНОГО ИЛИ УНИЖАЮЩЕГО ДОСТОИНСТВО ОБРАЩЕНИЯ ИЛИ НАКАЗАНИЯ (ДАЛЕЕ – ЕКПП) ПО ИТОГАМ ВИЗИТОВ В БОЛГАРИЮ

1. Доклад ЕКПП по итогам визита в Болгарию с 16 по 22 декабря 2003 г., опубликованный 24 июня 2004 г.

74. В данном докладе ЕКПП было описано положение лиц, которые были помещены в приюты социальной защиты для лиц с психическими расстройствами или недостатками, находившиеся в ведении Министерства труда и социальной политики Болгарии. Часть II.4 доклада была посвящена Пастрскому приюту социальной защиты.

75. ЕКПП отметил, что официальное количество лиц, которых мог принять данный приют, составляло 105, в нем были зарегистрированы 92 мужчин, 86 из которых присутствовали в момент визи-

та ЕКПП. Двое жильцов сбежали, а другие находились в отпуске дома. Около 90% жильцов страдали шизофренией, а у других были иные психические расстройства. Большинство жильцов провели в учреждении много лет, поскольку выписка была редким явлением.

76. Согласно выводам ЕКПП помещения Пастрского приюта социальной защиты находились в неудовлетворительном состоянии с точки зрения ремонта и санитарных норм и плохо обогревались.

77. В частности, здания не были оборудованы водопроводом. Жильцы мылись холодной водой во дворе, часто были небритыми и грязными. Ванная, к которой у них был доступ раз в неделю, находилась в антисанитарном и ветхом состоянии.

78. Туалеты, также расположенные во дворе, представляли собой выкопанные в земле ямы, закрытые старыми крышками. Они находились в ужасающем состоянии, и пользоваться ими было опасно. Кроме того, основные туалетные принадлежности редко были в наличии.

79. В докладе отмечалось, что питание было недостаточным. Жильцы принимали пищу три раза в сутки, включая 750 граммов хлеба. Молоко и яйца никогда не выдавались, а свежие овощи и фрукты были редко. Специальные диеты не были предусмотрены.

80. Единственной формой лечения в приюте было предоставление медикаментов. Жильцы, которые считались хроническими психиатрическими пациентами, нуждавшимися в поддерживающей терапии, были зарегистрированы как амбулаторные пациенты психиатра, практиковавшего в г. Дупница. Психиатр посещал приют раз в два-три месяца, а также по требованию. В дополнение к этому жильцов могли отвозить к психиатру, который принимал каждую неделю в близлежащем г. Рила, если были замечены изменения в их психическом состоянии. Два раза в год все жильцы приюта проходили обследование у психиатра, в ходе которого пересматривался и при необходимости изменялся фармакологический курс их лечения. Почти все жильцы принимали психиатрические препараты, которые отмечались в специальной карте и выдавались медсестрами.

81. Помимо распределения медикаментов не проводилось каких-либо терапевтических мероприятий для жильцов, которые вели пассивную, монотонную жизнь.

82. ЕКПП пришел к выводу, что данные условия создавали ситуацию, которую можно было назвать бесчеловечным и унижающим достоинство обращением. Он просил власти Болгарии в срочном порядке заменить Пастрский приют социальной защиты. В ответ 13 февраля 2004 г. власти Болгарии признали, что приют не соответствовал европейским стандартам в области социальной защиты. Они утверждали, что приют будет закрыт

в приоритетном порядке и что его жильцы будут переведены в другие учреждения.

83. ЕКПП далее отметил в части II.7 доклада, что в большинстве случаев помещение лиц с психическими расстройствами в специализированные учреждения приводило *de facto* к лишению свободы. Следовательно, процедура помещения в приют должна была сопровождаться соответствующими гарантиями, в том числе объективной медицинской, в частности, психиатрической оценкой. Также важно, чтобы у данных лиц было право инициировать производство, в ходе которого суд мог бы оперативно пересмотреть правомерность их помещения в приют. ЕКПП рекомендовал, чтобы такое право должно быть гарантировано в Болгарии (см. пункт 52 доклада).

2. Доклад ЕКПП по итогам визита с 10 по 21 сентября 2006 г., опубликованный 28 февраля 2008 г.

84. В данном докладе ЕКПП снова рекомендовал предусмотреть в законодательстве Болгарии возможность судебного пересмотра правомерности помещения в приют социальной защиты (см. пункты 176–177 доклада).

85. Он также рекомендовал приложить усилия к обеспечению того, чтобы помещение людей в приюты для лиц с психическими расстройствами и/или недостатками полностью соответствовало духу и букве закона. В договорах по оказанию социальных услуг должны уточняться юридические права жильцов, включая возможность подавать жалобы в различные органы. Кроме того, жильцы, которые не были способны понимать значение договоров, должны были получать соответствующую помощь (см. пункт 178 доклада).

86. Наконец, ЕКПП призвал власти Болгарии срочно принять необходимые меры для предупреждения конфликтов интересов, связанных с назначением сотрудника приюта в качестве попечителя одного из жильцов данного учреждения (см. пункт 179 доклада).

87. ЕКПП также посетил Пастрский приют социальной защиты в ходе своего последующего периодического визита в Болгарию в октябре 2010 года.

IV. СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

А. ДОСТУП К СУДУ ДЛЯ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ДЕЕСПОСОБНОСТИ

88. Сравнительно-правовое изучение законодательства 20 государств Совета Европы свидетельствует о том, что в подавляющем большинстве государств (в Хорватии, Дании, Эстонии, Финляндии, во Франции, в Германии, Греции, Венгрии, Люксембурге, Монако, Польше, Португалии, Румынии, Словакии, Швеции, Швейцарии и Турции) любое

лицо, которое было лишено дееспособности, согласно закону имеет право напрямую обратиться в суд для отмены данной меры.

89. На Украине лица, признанные ограниченно дееспособными, могут сами обращаться с требованием об отмене данной меры. Это правило не применяется к лицам, признанным полностью недееспособными, последние, однако, могут оспорить в суде любые меры, принятые их опекуном.

90. Судебное производство с целью отмены решения о признании лица недееспособным не может быть инициировано непосредственно этим лицом в Латвии (где заявление может быть подано прокурором или опекуном советом) и в Ирландии.

В. ПОМЕЩЕНИЕ НЕДЕЕСПОСОБНОГО ЛИЦА В СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫЙ ПРИЮТ

91. Сравнительно-правовое изучение законодательства 20 государств Совета Европы демонстрирует отсутствие в Европе единого подхода к вопросу о помещении недееспособных лиц в специализированные учреждения, в частности, в отношении органов власти, уполномоченных принимать решения о помещении в приют, и гарантий, предоставляемых соответствующему лицу. Тем не менее можно отметить, что в некоторых странах (в Австрии, Эстонии, Финляндии, во Франции, в Германии, Греции, Польше, Португалии и Турции) решение о помещении лица в приют на долгосрочной основе против воли лица принимается или санкционируется судом.

92. В других правовых системах (в Бельгии, Дании, Венгрии, Ирландии, Латвии, Люксембурге, Монако и Соединенном Королевстве) принимать решение о помещении лица в специализированное учреждение разрешено попечителям, близким родственникам или административным органам, при этом не требуется решения суда. Представляется также, что во всех упомянутых выше странах помещение лица в приют должно сопровождаться рядом материально-правовых требований, связанных, в частности, с состоянием здоровья лица, наличием угрозы или риска и/или представлением медицинских справок. В дополнение к этому среди гарантий, предусмотренных в некоторых правовых системах, можно назвать обязательство допросить или проконсультироваться с заинтересованным лицом по вопросу его помещения в приют, установление законом или судом срока, по истечении которого данная мера прекращается или пересматривается, и возможность получения юридической помощи.

93. В некоторых странах (в Дании, Эстонии, Германии, Греции, Венгрии, Ирландии, Латвии, Польше, Словакии, Швейцарии и Турции) заинтересованному лицу предоставлена возможность оспорить в суде первоначальное решение о помещении в учреждение, при этом не предусмотрено

требование о получении согласия опекуна или попечителя.

94. Наконец, несколько государств (Дания, Эстония, Финляндия, Германия, Греция, Ирландия, Латвия, Польша, Швейцария и Турция) непосредственно наделяют заинтересованное лицо правом регулярно обращаться в суд за пересмотром правомерности продолжающегося пребывания в учреждении.

95. Также необходимо отметить, что во многих странах в законы о дееспособности или о помещении в специализированные учреждения недавно были внесены изменения (в Австрии – в 2007 году, Дании – 2007, Эстонии – 2005, Финляндии – 1999, Франции – 2007, Германии – 1992, Греции – 1992, Венгрии – 2004, Латвии – 2006, Польше – 2007, на Украине – в 2000, в Соединенном Королевстве – в 2005 году) или идет процесс внесения таких изменений (в Ирландии). Данные законодательные реформы призваны усилить правовую защиту лиц, лишенных или ограниченных в дееспособности путем предоставления им либо права прямого доступа к суду для пересмотра их статуса, либо обеспечения дополнительных гарантий при их помещении в специализированные учреждения против их воли.

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ПУНКТА 1 СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

96. Заявитель утверждал, что его помещение в Пастрский приют социальной защиты не соответствовало требованиям пункта 1 статьи 5 Конвенции, который гласит:

«1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:

(а) законное содержание под стражей лица, осужденного компетентным судом;

(b) законное задержание или заключение под стражу (арест) лица за неисполнение вынесенного в соответствии с законом решения суда или с целью обеспечения исполнения любого обязательства, предписанного законом;

(с) законное задержание или заключение под стражу лица, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения;

(d) заключение под стражу несовершеннолетнего лица на основании законного постановления для воспитательного надзора или его законное заключение под стражу, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом;

(е) законное заключение под стражу лиц с целью предотвращения распространения инфекционных заболеваний, а также законное заключение под стражу душевнобольных, алкоголиков, наркоманов или бродяг;

(ф) законное задержание или заключение под стражу лица с целью предотвращения его незаконного въезда в страну или лица, против которого принимаются меры по его высылке или выдаче».

А. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

97. Большая Палата Европейского Суда отмечает, что власти Болгарии поддерживали заявленный ими при рассмотрении дела в Палате Европейского Суда довод о том, что заявитель предположительно не исчерпал внутригосударственные средства правовой защиты в отношении жалобы на нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции.

98. Этот довод был обоснован следующими мотивами. Во-первых, заявитель в любой момент мог лично обратиться в суд с требованием о восстановлении дееспособности на основании статьи 277 ГПК Болгарии, а отмена попечительства позволила бы ему покинуть приют по собственной воле. Во-вторых, его близкие родственники не воспользовались возможностью обратиться в органы опеки и попечительства с требованием о замене попечителя, предоставленной некоторым из них статьями 113 и 115 Семейного кодекса. По мнению властей Болгарии, в случае отказа родственники заявителя могли обратиться в суд, который бы рассмотрел их требование по существу и в случае необходимости назначил нового попечителя, который впоследствии смог бы расторгнуть соглашение о помещении заявителя в приют. Власти Болгарии также утверждали, что близкие родственники заявителя могли оспорить договор, подписанный попечителем R.P. и Пастрским приютом социальной защиты. Наконец, они указали, что заявитель сам мог попросить орган опеки и попечительства назначить представителя *ad hoc* в связи с предполагаемым конфликтом интересов между ним и его попечителем с целью подачи требования о том, чтобы покинуть данное учреждение и проживать в другом месте (пункт 1 статьи 123 Семейного кодекса).

99. Большая Палата Европейского Суда отмечает, что в своем решении о приемлемости жалобы для рассмотрения по существу от 29 июня 2010 г. Палата Европейского Суда установила, что довод властей Болгарии затрагивал вопросы, которые были тесно связаны с теми, которые возникали в связи с жалобой заявителя на нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции, и решила рассмотреть этот довод одновременно с жалобой по существу на нарушение указанного положения Конвенции.

100. В дополнение к этому, отметив, что вопрос о том, было ли допущено по настоящему делу «лишение свободы» по смыслу пункта 1 статьи 5

Конвенции, был тесно связан с существом жалобы на нарушение этого положения Конвенции, Палата Европейского Суда также решила объединить рассмотрение довода властей Болгарии и соответствующей части жалобы заявителя по существу. Большая Палата Европейского Суда не усматривает причин ставить под сомнение выводы, сделанные Палатой Европейского Суда.

В. БЫЛ ЛИ ЗАЯВИТЕЛЬ ЛИШЕН СВОБОДЫ ПО СМЫСЛУ ПУНКТА 1 СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

1. Доводы сторон в Большой Палате Европейского Суда

(а) Заявитель

101. Заявитель утверждал, что, несмотря на то, что согласно законодательству Болгарии помещение лиц с психическими расстройствами в учреждения социальной защиты рассматривалось как «добровольное», его помещение в Пастрский приют социальной защиты представлял собой лишение свободы. Он утверждал, что, как и в Постановлении Европейского Суда по делу «Шторк против Германии» (*Storck v. Germany*) от 16 июня 2005 г., жалоба № 61603/00, в настоящем деле имели место субъективный и объективный элементы лишения свободы.

102. Что касается характера меры, заявитель утверждал, что проживание в приюте социальной защиты далеко в горах представляло собой физическую изоляцию от общества. Он не мог уехать по собственной инициативе, поскольку без документов и денег его могли быстро остановить сотрудники полиции для обычной проверки, что широко практиковалось в Болгарии.

103. Из приюта можно было уезжать только с разрешения. Расстояние между приютом и его родным городом, которое составляло около 420 километров, а также отсутствие доступа к его пенсии по инвалидности привели к тому, что он ездил в г. Русе всего три раза. Заявитель также отмечал, что руководство приюта много раз отказывало ему в разрешении поездки. Он добавил, что в соответствии с практикой, не имеющей каких-либо юридических оснований, жильцы, которые отсутствовали дольше положенного времени, считались беглецами и разыскивались полицией. Заявитель утверждал в этой связи, что один раз он был задержан полицией в г. Русе, и хотя его не доставили обратно в приют, сам факт того, что директор приюта требовал его розыска и возвращения в приют, представлял собой решающее значение для ограничения его права на личную свободу. Он отмечал, что был задержан и заключен под стражу в ожидании приезда сотрудников приюта, при этом не был уведомлен об основаниях лишения его свободы.

Поскольку его доставили обратно в принудительном порядке, было неважно, что это сделали работники приюта.

104. Заявитель далее подчеркивал, что он находился в приюте уже более восьми лет, и у него оставалось мало надежды на то, что он когда-нибудь покинет это место, поскольку для этого требовалось разрешение попечителя.

105. Что касается последствий его нахождения в приюте, заявитель обратил внимание на строгость режима, который к нему применялся. Его лечение, занятия и передвижения подвергались реальному и тщательному надзору со стороны сотрудников приюта. Он должен был соблюдать строгий распорядок дня, вставать, ложиться спать и принимать пищу в установленное время. Он не мог выбирать, как одеваться, какую еду себе готовить, в каких культурных мероприятиях участвовать или как развивать отношения с другими людьми, в том числе интимные, поскольку в приюте проживали только мужчины. Ему разрешалось смотреть телевизор только утром. Таким образом, его нахождение в приюте привело к заметному ухудшению его состояния и появлению признаков синдрома институционализации, иными словами, к невозможности реинтегрироваться в общество и вести нормальную жизнь.

106. В отношении субъективного элемента заявитель утверждал, что его ситуация отличалась от той, которая была рассмотрена в Постановлении Европейского Суда по делу «Н.М. против Швейцарии» (Н.М. v. Switzerland) от 26 февраля 2002 г., жалоба № 39187/98, в котором заявительница согласилась на нахождение в приюте. Сам заявитель такого согласия никогда не давал. Его попечитель в то время, R.P. (см. выше § 12), не обсуждала с ним этот вопрос, более того, он даже не был знаком с R.P. Заявитель также не был уведомлен о существовании соглашения от 10 декабря 2002 г. (см. выше § 14), которое он не подписывал. Данные обстоятельства отражали распространенную в Болгарии практику, в соответствии с которой после лишения или ограничения дееспособности люди рассматривались как неспособные выражать свои пожелания. Кроме того, из медицинских документов было ясно, что желание заявителя покинуть приют рассматривалось не как свободно выраженная воля, а как симптом его психического заболевания.

107. Наконец, в упомянутом выше Постановлении Европейского Суда по делу «Н.М. против Швейцарии» (Н.М. v. Switzerland) власти основывали свое решение о помещении заявительницы в приют на тщательном анализе, доказывавшем, что условия жизни заявительницы в ее собственном доме сильно ухудшились в результате ее отказа от сотрудничества с органом социального обеспечения. В настоящем же деле заявителю никогда не предлагалось оказание альтернативной помощи на дому, и он никогда не отказывался от таких услуг.

(b) *Власти Болгарии*

108. В своих письменных замечаниях, представленных Палате Европейского Суда, власти Болгарии признали, что обстоятельства дела представляли собой «лишение свободы» по смыслу пункта 1 статьи 5 Конвенции. Однако в ходе слушания и в ходе производства по делу в Большой Палате Европейского Суда они утверждали, что статья 5 Конвенции не была применима. Они отмечали в этой связи, что заявитель не был принудительно помещен властями в психиатрическое учреждение на основании Закона о здравоохранении, а был размещен в приют социальной защиты по требованию его попечителя на основании гражданско-правового соглашения и в соответствии с правилами предоставления социальной защиты. Например, лица, которые нуждались в помощи, в том числе лица с психическими расстройствами, могли обращаться непосредственно или через своих представителей за различными социальными или медицинскими услугами в соответствии с Законом о социальной защите от 1998 года (см. выше §§ 57–60). Приюты для совершеннолетних лиц с психическими расстройствами предлагали широкий спектр услуг такого рода, и помещение в подобные учреждения не могло рассматриваться как лишение свободы.

109. Что касается конкретных обстоятельств дела, власти Болгарии подчеркивали, что заявитель никогда явно и сознательно не возражал против помещения в приют, и, следовательно, нельзя было сделать вывод о том, что данная мера была принудительной. Кроме того, он мог покинуть приют в любое время.

110. Более того, работа заявителя в деревенском ресторане поощрялась, и ему три раза было разрешено уехать из приюта. Причина, по которой он два раза возвращался из г. Русе до конца периода разрешенного отсутствия (см. выше § 27), заключалась в том, что ему было негде жить. Власти Болгарии также указывали, что заявителя никогда не доставляли обратно в приют сотрудники полиции. Они признали, что в сентябре 2006 года директор приюта был вынужден обратиться в полицию с целью розыска заявителя, поскольку последний не вернулся в установленный срок (см. выше § 28). Однако из Постановления Европейского Суда по делу «Додов против Болгарии» (Dodov v. Bulgaria) от 17 января 2008 г., жалоба № 59548/00, было ясно, что государства имеют позитивное обязательство заботиться о лицах, проживающих в приютах социальной защиты. По мнению властей Болгарии, меры, принятые директором приюта, являлись частью выполнения данной обязанности.

111. Власти Болгарии далее подчеркивали, что заявитель был ограничен в дееспособности и что у него не было оказывающей поддержку семейной обстановки, жилья или достаточных средств, что-

бы жить самостоятельно. Ссылаясь в этой связи на упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Н.М. против Швейцарии» (N.M. v. Switzerland), а также на Постановление Европейского Суда по делу «Нильсен против Дании» (Nielsen v. Denmark) от 28 ноября 1988 г., жалоба № 10929/84, они утверждали, что помещение заявителя в приют являлось обычной защитной мерой, принятой исключительно в его интересах и представлявшей собой соответствующую реакцию на неотложную с социальной и медицинской точек зрения ситуацию, поэтому данная реакция не могла считаться принудительной.

(с) Третья сторона

112. Организация «Интерайтс» сделала следующие общие замечания. Она указала, что провела обзор практики в отношении помещения лиц с психическими расстройствами в специализированные учреждения в странах Центральной и Восточной Европы. Согласно выводам, содержащимся в обзоре, в большинстве стран помещение в подобные учреждения могло рассматриваться как представляющее собой *de facto* лишение свободы.

113. Приюты социальной защиты часто находились в сельской или горной местности, которые были труднодоступными. Если они размещались рядом с городскими зонами, они были окружены высокими стенами или заборами, и выходы из них были закрыты. Как правило, жильцы могли покинуть такие учреждения лишь с ясно выраженного разрешения директора приюта и только на ограниченный срок. В случаях отсутствия разрешения у сотрудников полиции были полномочия по розыску соответствующих лиц и их доставлению обратно в приют. Ко всем жильцам применялся одинаковый ограничительный режим независимо от их правового статуса (и от того, обладали ли они полной или ограниченной дееспособностью или были лишены дееспособности), и, по мнению третьей стороны, это было решающим фактором. Абсолютно не учитывалось то обстоятельство, было ли лицо помещено в приют принудительно или добровольно.

114. Что касается анализа субъективного аспекта, третья сторона утверждала, что согласие соответствующих лиц требовало тщательного внимания. Необходимо прилагать значительные усилия для того, чтобы установить их настоящее волеизъявление, несмотря на лишение или ограничение дееспособности, которые могли иметь место в их делах. Третья сторона утверждала, что в реальности при наличии выбора между ненадежным бездомным существованием и относительной безопасностью, предоставляемой в приюте социальной защиты, недееспособные лица в Центральной и Восточной Европе могут выбрать последнее место просто потому, что государственная система

социального обеспечения не предусматривает возможности предоставления им альтернативных услуг. Однако это не означало, что данные лица могут рассматриваться как свободно выразившие согласие на нахождение в таких учреждениях.

2. Мнение Большой Палаты Европейского Суда

(а) Общие принципы

115. Европейский Суд напоминает, что различие между лишением свободы и ограничением свободы передвижения, которая регулируется статьей 2 Протокола № 4 к Конвенции, заключается в степени и интенсивности, а не в самом существе или характере меры. Несмотря на то, что процесс квалификации меры в качестве одной или другой не всегда является простой задачей, поскольку в некоторых пограничных делах он имеет чисто оценочный характер, Европейский Суд не может избежать необходимости сделать выбор, от которого зависит применимость или неприменимость статьи 5 Конвенции (см. Постановление Европейского Суда по делу «Гуццарди против Италии» (Guzzardi v. Italy) от 6 ноября 1980 г., жалоба № 7367/76, §§ 92–93). Для того, чтобы определить, было ли лицо лишено свободы, за отправную точку необходимо взять конкретную ситуацию, а также учитывать целый ряд факторов, таких как тип, продолжительность, последствия и способ применения спорной меры (см. упомянутые выше Постановления Европейского Суда по делам «Шторк против Германии» (Storck v. Germany), § 71, и «Гуццарди против Италии» (Guzzardi v. Italy), § 92).

116. В контексте лишения свободы по основаниям, связанным с наличием психического заболевания, Европейский Суд приходил к выводу, что лицо может рассматриваться как «лишенное свободы» даже в период, когда оно находилось в открытом дворе больницы с регулярным неконтролируемым доступом к неохранным территории больницы и с возможностью выйти без сопровождения за пределы больницы (см. Постановление Европейского Суда по делу «Эшингдейн против Соединенного Королевства» (Ashingdane v. United Kingdom) от 28 мая 1985 г., жалоба № 8225/78, § 42).

117. Кроме того, в отношении помещения лиц с психическими расстройствами в соответствующее учреждение Европейский Суд устанавливал, что понятие «лишение свободы» включает в себя не только объективный аспект в виде содержания лица в месте с ограниченным доступом на протяжении значительного периода времени, но и что лицо также может считаться лишенным свободы, если, как дополнительный субъективный элемент, оно не давало явно выраженного согласия на нахождение в таком месте (см. упомянутое выше

Постановление Европейского Суда по делу «Шторк против Германии» (Storck v. Germany), § 74).

118. Европейский Суд считал, что имело место лишение свободы при следующих обстоятельствах, когда: (а) заявитель, который был лишен дееспособности и переведен в психиатрическую больницу по просьбе его законного представителя, безуспешно пытался покинуть больницу (см. Постановление Европейского Суда по делу «Штукатуров против Российской Федерации» (Shtukaturov v. Russia) от 27 марта 2008 г., жалоба № 44009/05¹, § 108); (b) заявительница сначала согласилась на госпитализацию, а затем пыталась сбежать (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Шторк против Германии» (Storck v. Germany), § 76); (с) заявитель являлся совершеннолетним лицом, неспособным дать согласие на госпитализацию в психиатрическое учреждение, которое он, тем не менее, не пытался покинуть (см. Постановление Европейского Суда по делу «Н.Л. против Соединенного Королевства» (H.L. v. United Kingdom) от 5 октября 2004 г., жалоба № 45508/99, §§ 89–94).

119. Европейский Суд также устанавливал, что право на свободу является слишком важным в демократическом обществе, чтобы лицо переставало пользоваться защитой Конвенции лишь по той причине, что оно сдалось и позволило лишить себя свободы (см. Постановление Европейского Суда по делу «Де Вильде, Оомс и Версип против Бельгии» (De Wilde, Ooms and Versyp v. Belgium) от 18 июня 1971 г., жалобы №№ 2832/66, 2835/66, 2899/66, §§ 64–65), особенно если не оспаривается, что данное лицо с юридической точки зрения неспособно выразить согласие или несогласие с предлагаемыми мерами (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Н.Л. против Соединенного Королевства» (H.L. v. United Kingdom), § 90).

120. Кроме того, у Европейского Суда была возможность отметить, что первое предложение пункта 1 статьи 5 Конвенции должно толковаться как предусматривающее позитивное обязательство для государства защищать свободу тех лиц, кто находится под его юрисдикцией. В противном случае это был бы значительный пробел механизма защиты от произвольного лишения свободы, что не соответствовало бы важности личной свободы в демократическом обществе. Следовательно, государство обязано принимать меры для эффективной защиты уязвимых лиц, включая выполнение разумных действий для предупреждения лишения свободы, о котором власти знали или должны были знать (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Шторк против Германии» (Storck v. Germany), § 102). Таким обра-

зом, принимая во внимание конкретные обстоятельства рассматриваемых дел, Европейский Суд приходил к выводу, что власти государств-ответчиков несли ответственность в случае лишения свободы в психиатрической больнице по просьбе опекуна заявителя (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Штукатуров против Российской Федерации» (Shtukaturov v. Russia)) и в случае госпитализации в частную клинику (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Шторк против Германии» (Storck v. Germany)).

(b) Применение вышеизложенных принципов в настоящем деле

121. Европейский Суд отмечает, что в настоящем деле отсутствует необходимость определять, является ли в целом любое помещение лишенного или ограниченного в дееспособности лица в учреждение социальной защиты «лишением свободы» по смыслу пункта 1 статьи 5 Конвенции. В некоторых случаях такое помещение инициирует семья, которая также вовлечена в отношения опеки или попечительства, и он основан на гражданско-правовых соглашениях, заключенных с учреждением социальной защиты. Соответственно, любые ограничения свободы в подобных случаях являются результатом действий частных лиц, и роль властей ограничивается обязанностью осуществлять надзор. В настоящем деле Европейскому Суду не следует рассматривать вопрос относительно обязанностей, которые могут следовать для властей из Конвенции в таких делах.

122. Европейский Суд отмечает, что в настоящем деле имеют место особые обстоятельства. Ни один из членов семьи заявителя не участвовал в отношениях попечительства, и обязанности попечителя были возложены на должностное лицо (R.P.), которая вела переговоры с целью заключения соглашения о помещении заявителя в Пастрский приют социальной защиты и подписала данное соглашение при отсутствии какого-либо контакта с заявителем, которого она никогда не видела. Соглашение исполнялось в государственном учреждении социальными службами, которые также не опрашивали заявителя (см. выше §§ 12–15). Точку зрения заявителя относительно выбора его попечителя также не узнавали, несмотря на то, что он мог ясным образом выразить свое мнение, и его согласие было необходимо в соответствии с Законом о лицах и семье от 1949 года (см. выше § 42). При этом он не был помещен в Пастрский приют социальной защиты по его просьбе или на основании добровольно заключенного частноправового соглашения о помещении в учреждение для получения социальной помощи и защиты. Европейский Суд полагает, что ограничения, на которые жалуется заявитель, стали

¹ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2009. № 2 (примеч. редактора).

результатом различных мер, предпринятых органами власти и государственными учреждениями через их должностных лиц, начиная с первоначального требования о его помещении в учреждение и в течение всего периода исполнения указанной меры, а не явились следствием действий или инициатив частных лиц. Несмотря на отсутствие указаний на то, что попечитель заявителя действовала недобросовестно, указанные соображения отличают настоящее дело от упомянутого выше Постановления Европейского Суда по делу «Нильсен против Дании» (Nielsen v. Denmark), в котором мать заявителя, действуя добросовестно, поместила его в психиатрическое учреждение, что привело Европейский Суд к выводу о том, что спорная мера представляла собой осуществление исключительных родительских прав в отношении ребенка, который не был способен ясным образом выразить свое мнение.

123. Таким образом, помещение заявителя в приют социальной защиты может быть отнесено за счет действий властей Болгарии. Остается установить, являлись ли ограничения, связанные с данной мерой, «лишением свободы» по смыслу статьи 5 Конвенции.

124. Что касается объективного аспекта, Европейский Суд отмечает, что заявитель проживал в учреждении, которое он мог покинуть, но подчеркивает, что вопрос о том, было ли помещение закрытого типа, не является решающим (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Эшингдейн против Соединенного Королевства» (Ashingdane v. United Kingdom), § 42). Хотя заявитель мог посещать близлежащую деревню, он должен был получать разрешение для этого (см. выше § 25). Кроме того, время, которое он мог проводить за пределами приюта, и места, которые он мог посещать, контролировались и ограничивались.

125. Европейский Суд также отмечает, что в период с 2002 по 2009 год заявителю было разрешено покинуть приют три раза на непродолжительный срок (около 10 дней), чтобы съездить в г. Русе (см. выше §§ 26–28). Европейский Суд не может строить предположения о том, совершал ли бы заявитель поездки чаще, если бы он просил об этом. Вместе с тем Европейский Суд отмечает, что предоставление разрешения на выезд относилось к сфере усмотрения руководства приюта, у которого хранились документы заявителя, удостоверявшие его личность, и которое управляло его финансами, включая средства на транспортные расходы (см. выше §§ 25–26). Кроме того, Европейский Суд полагает, что ввиду места нахождения приюта в горном районе далеко от г. Русе (около 400 километров) любые поездки были трудно осуществимыми и дорогими для заявителя с учетом его доходов и его способности самому организовать поездки.

126. Европейский Суд считает, что система решений на выезд и тот факт, что документы заявителя, удостоверявшие его личность, находились у руководства приюта, значительно ограничивали его личную свободу.

127. Более того, не оспаривалось утверждение о том, что, когда заявитель не вернулся после разрешенного периода отсутствия в 2006 году, руководство приюта обратилось в полицию г. Русе с просьбой о розыске заявителя и его доставлении обратно в приют (см. выше § 28). Европейский Суд может признать, что подобные меры являются частью обязанностей руководства приюта для лиц с психическими расстройствами по отношению к его жильцам. Он также отмечает, что полиция не доставила заявителя обратно и что не было доказано, что он был задержан на период ожидания прибытия сотрудников приюта. Однако поскольку срок, в течение которого ему был разрешено отсутствовать, истек, сотрудники приюта вернули его в приют, не обращая внимания на его пожелания.

128. Следовательно, несмотря на то, что заявитель мог осуществлять некоторые поездки, указанные выше факторы заставляют Европейский Суд считать, что, в отличие от того, что утверждали власти Болгарии, заявитель находился под постоянным надзором и не имел право свободно покидать приют без разрешения, когда он этого хотел. Ссылаясь на упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Додов против Болгарии» (Dodov v. Bulgaria), власти Болгарии утверждали, что спорные ограничения были необходимы ввиду позитивных обязательств государства по охране жизни и здоровья заявителя. Европейский Суд отмечает, что в упомянутом выше деле мать заявителя страдала болезнью Альцгеймера и в результате ее память и другие психические возможности постепенно ухудшились до такой степени, что сотрудникам приюта было предписано не оставлять ее одну. В то же время в настоящем деле власти Болгарии не доказали, что состояние здоровья заявителя было таково, что он подвергался непосредственной опасности или что требовались какие-либо особые ограничения для защиты его жизни и здоровья.

129. Что касается продолжительности оспариваемой меры, Европейский Суд отмечает, что она не уточнялась и потому не была ограничена каким-либо сроком, поскольку заявитель был зарегистрирован по месту жительства по адресу приюта, где он по-прежнему и проживает (на протяжении уже более восьми лет). Данный период является достаточно длительным для того, чтобы заявитель в полной мере ощутил на себе все негативные последствия примененных к нему ограничений.

130. Что касается субъективного аспекта спорной меры, необходимо отметить, что в нарушение требований законодательства Болгарии (см. выше § 42) у заявителя не спрашивали его мнения по

поводу помещения в приют, и он никогда не давал на это явного согласия. Вместо этого его доставили в Пастрский приют социальной защиты на машине «скорой помощи» и поместили туда без объяснения причин или указания на продолжительность данной меры, принятой по инициативе его официально назначенного попечителя. Европейский Суд отмечает в этой связи, что существуют ситуации, в которых предпочтения лица с ограниченными психическими возможностями могут быть правомерно заменены мнением иного лица, действующего в рамках применения защитных мер, и что иногда сложно установить реальные пожелания или предпочтения соответствующего лица. Однако Европейский Суд уже установил, что тот факт, что лицо ограничено в дееспособности, необязательно означает, что это лицо неспособно понимать свою ситуацию (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Штукатуров против Российской Федерации» (*Shtukaturov v. Russia*), § 108). В настоящем деле законодательство Болгарии придавало определенное значение пожеланиям заявителя, и представляется, что он хорошо осознавал свое положение. Европейский Суд отмечает, что как минимум с 2004 года заявитель недвусмысленно выражал свое намерение покинуть Пастрский приют социальной защиты как в ходе консультаций психиатров, так и путем подачи в соответствующие органы обращений о восстановлении его дееспособности и прекращении попечительства над ним (см. выше §§ 37–41).

131. Данные факторы отличают настоящее дело от упомянутого выше Постановления Европейского Суда по делу «Н.М. против Швейцарии» (*N.M. v. Switzerland*), в котором Европейский Суд пришел к выводу об отсутствии лишения свободы, поскольку заявительницу поместили в приют исключительно в ее собственных интересах, и после ее прибытия в приют она согласилась остаться там. В этом отношении власти Болгарии не доказали, что в настоящем деле сразу после прибытия в Пастрский приют социальной защиты или впоследствии заявитель дал согласие на то, чтобы оставаться там. В связи с этим Европейский Суд не убежден в том, что заявитель согласился на помещение в приют или выразил свое согласие в молчаливой форме впоследствии и в период нахождения в нем.

132. Принимая во внимание конкретные обстоятельства настоящего дела, особенно участие властей в принятии решения о помещении заявителя в приют и исполнение данного решения, правила о получении разрешения на выезд, продолжительность применения меры и отсутствие согласия заявителя, Европейский Суд считает, что рассматриваемая ситуация является лишением свободы по смыслу пункта 1 статьи 5 Конвенции. Следовательно, данное положение Конвенции применимо в настоящем деле.

С. БЫЛО ЛИ ПОМЕЩЕНИЕ ЗАЯВИТЕЛЯ В ПАСТРСКИЙ ПРИУТ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ СОВМЕСТИМО С ПУНКТОМ 1 СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

1. Доводы сторон в Большой Палате Европейского Суда

(а) Заявитель

133. Заявитель утверждал, что, поскольку он не давал согласия на его помещение в Пастрский приют социальной защиты и не подписывал соглашение, составленное между его попечителем и приютом, данное соглашение нарушало Закон о лицах и семье. Заявитель добавил, что он не был уведомлен о наличии соглашения во время его помещения в приют и что он оставался в неведении по этому поводу в течение длительного времени. У него также не было какой-либо возможности оспорить действия своего попечителя. Несмотря на то, что в соответствии со статьей 126 Семейного кодекса попечитель была обязана докладывать о своей деятельности органу опеки и попечительства (мэру), у последнего не было полномочий принимать какие-либо меры в отношении нее. Кроме того, относительно заявителя никогда не составлялся какой-либо отчет, и его попечители никогда не привлекались к ответственности за это.

134. Заявитель также утверждал, что его помещение в приют для лиц с психическими расстройствами не попадало ни под одно из оснований, по которым лишение свободы могло быть оправдано для целей статьи 5 Конвенции. Оспариваемая мера не была оправдана необходимостью обеспечения общественной безопасности или неспособностью соответствующего лица жить самостоятельно за пределами учреждения. В подтверждение данного довода заявитель подчеркивал, что директор приюта считал его способным к интеграции в общество и что были предприняты попытки сблизить заявителя с его семьей, однако они оказались безуспешными. Следовательно, решение властей поместить его в приют обосновывалось лишь тем, что его семья не была готова заботиться о нем и что он нуждался в социальной защите. Они не рассмотрели вопрос о том, могла ли необходимая социальная защита быть предоставлена путем принятия альтернативных мер, которые бы в меньшей степени ограничивали его личную свободу. Кроме того, эти меры были возможны согласно законодательству Болгарии, которое предусматривало широкий спектр социальных услуг, таких как персональная помощь, центры социальной реабилитации, специальные пособия и пенсии. Таким образом, власти Болгарии нарушили справедливый баланс между социальными потребностями заявителя и его правом на свободу. Если бы лишение свободы могло основываться только на соображе-

ниях социального характера, это было бы производом и противоречило бы цели статьи 5 Конвенции.

135. Если Европейский Суд сочтет, что помещение заявителя в приют попадало в сферу действия подпункта «е» пункта 1 статьи 5, в соответствии с которым душевнобольные лица могут быть лишены свободы, заявитель утверждал, что власти Болгарии не выполнили требования данного положения Конвенции. Поскольку в последнее время не проводилась оценка психического здоровья заявителя, было ясно, что его помещение в приют не преследовало цель предоставления ему медицинской помощи и было основано только на медицинских документах, представленных в ходе производства по делу об ограничении дееспособности заявителя. Данные документы были составлены приблизительно за полтора года до этого и не имели непосредственного отношения к его помещению в учреждение для лиц с психическими расстройствами. Ссылаясь на Постановление Европейского Суда по делу «Варбанов против Болгарии» (Varbanov v. Bulgaria) от 5 октября 2000 г., жалоба № 31365/96, § 47, заявитель утверждал, что его поместили в Пастрский приют социальной защиты без проведения предварительной оценки состояния его психического здоровья в то время.

(b) Власти Болгарии

136. Власти Болгарии утверждали, что помещение заявителя в приют соответствовало внутригосударственному законодательству, поскольку попечитель подписала соглашение, по которому заявителю предоставлялись социальные услуги в его собственных интересах. Таким образом, она действовала согласно ее полномочиям и выполняла обязанность по защите лица, в отношении которого было установлено попечительство.

137. Учитывая, что единственной целью помещения заявителя в приют было предоставление ему социальных услуг в соответствии с Законом о социальной помощи, а не осуществление принудительного лечения, власти Болгарии утверждали, что данная мера не попадала в сферу действия подпункта «е» пункта 1 статьи 5 Конвенции. В этой связи органы государственной власти приняли во внимание финансовое и семейное положение заявителя, то есть отсутствие у него средств и близких родственников, которые могли бы помогать ему на повседневной основе.

138. В то же время власти Болгарии отмечали, что заявитель в любом случае мог считаться «душевнобольным» лицом по смыслу подпункта «е» пункта 1 статьи 5 Конвенции. Медицинское обследование, которое было проведено в ходе производства по делу об ограничении дееспособности заявителя в 2000 году, ясно свидетельствовало о том, что он страдал психическим расстройством, и поэтому власти могли законно поместить его в учреждение

для лиц с аналогичными проблемами. Наконец, ссылаясь на упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Эшингдейн против Соединенного Королевства» (Ashingdane v. United Kingdom), § 44, власти Болгарии утверждали, что существовала надлежащая связь между причинами помещения заявителя в приют, а именно его состоянием здоровья, и учреждением, в которое он был помещен. Соответственно, они считали, что оспариваемая мера не нарушала требования подпункта «е» пункта 1 статьи 5 Конвенции.

(c) Третья сторона

139. На основании исследования, упомянутого выше в §§ 112–114 настоящего Постановления, третья сторона отмечала, что в странах Центральной и Восточной Европы помещение лиц с психическими расстройствами в приюты социальной помощи рассматривалось исключительно с точки зрения социальной защиты и регулировалось договорным правом. В связи с тем, что подобные действия не рассматривались как лишение свободы согласно внутригосударственному законодательству, процессуальные гарантии, доступные в связи с принудительной психиатрической госпитализацией, не применялись.

140. Третья сторона утверждала, что аналогичные ситуации были сравнимы с той, которая рассматривалась в упомянутом выше Постановлении Европейского Суда по делу «Н.Л. против Соединенного Королевства» (N.L. v. United Kingdom), в котором была подвергнута критике система, существовавшая до 2007 года в Соединенном Королевстве, в рамках которой доктрина необходимости допускала «неформальное» лишение свободы недееспособных лиц с психическими расстройствами. Европейский Суд считал, что отсутствие каких-либо процессуальных норм о помещении таких лиц в учреждения и их содержании там было поразительным. По его мнению, контраст между отсутствием регулирования и обширным спектром гарантий, применимых в случаях официальной госпитализации в психиатрическую больницу в соответствии с законодательством о психиатрической помощи, был значительным. При отсутствии формализованной процедуры помещения в учреждение, которая бы определяла, кто может инициировать данный процесс, по каким причинам и на каком основании, а также при отсутствии указаний относительно продолжительности лишения свободы или характера лечения или ухода профессиональные медицинские работники больниц полностью осуществляли контроль над свободой и лечением уязвимых лиц, лишенных или ограниченных в дееспособности, исключительно на основе своих собственных клинических оценок, которые проводились так и тогда, как и когда они считали нужным. Не сомневаясь в том, что медицинские работники действо-

вали добросовестно, и исходя из наилучших интересов заявителя, Европейский Суд решил, что сама цель процессуальных гарантий заключалась в том, чтобы защитить заинтересованных лиц от любых ошибочных суждений и профессиональных упущений (см. *ibid.*, §§ 120–121).

141. Третья сторона призвала Европейский Суд оставаться последовательным в применении данного подхода и сделать вывод о том, что в настоящем деле неформальный характер помещения в приют социальной защиты и продолжающего содержания в нем не соответствовал гарантиям против произвола, предусмотренным статье 5 Конвенции. Суды не участвовали в процесс на какой-либо стадии производства, и никакому иному независимому органу не была поставлена задача осуществлять надзор за соответствующими учреждениями. Отсутствие регулирования в совокупности с уязвимостью лиц с психическими расстройствами упрощало злоупотребления основными правами в контексте очень ограниченного надзора.

142. Третья сторона также утверждала, что в большинстве подобных дел помещение в учреждения было автоматическим, поскольку возможностей для альтернативной социальной помощи было немного. Она полагала, что у властей должна быть реальная обязанность принятия соответствующих мер, которые являются менее ограничительными для личной свободы, но, тем не менее, способны обеспечить медицинский уход и социальную помощь лицам с психическими расстройствами. Это было бы средством применения принципа, согласно которому права, гарантированные Конвенцией, должны быть не теоретическими или иллюзорными, а практическими и эффективными.

2. Мнение Большой Палаты Европейского Суда

(а) Общие принципы

143. Европейский Суд напоминает, что для того, чтобы соответствовать пункту 1 статьи 5 Конвенции, лишение свободы должно быть прежде всего «законным», включая соблюдение процедуры, предусмотренной законом. В этом отношении Конвенция главным образом отсылает к внутригосударственному законодательству и предусматривает обязанность соблюдения материальных и процессуальных норм. Конвенция также требует, чтобы любое лишение свободы соответствовало цели статьи 5 Конвенции, а именно защите лиц от произвола (см. Постановление Европейского Суда по делу «Герцегфалви против Австрии» (*Herczegfalvy v. Austria*) от 24 сентября 1992 г., жалоба № 10533/83, § 63). Кроме того, лишение лица свободы является очень серьезной мерой, которая оправдана только в том случае, если была рассмотрена возможность применения иных, менее строгих мер,

и их применение было признано недостаточным для защиты индивидуальных или общественных интересов, которые могут требовать того, чтобы данное лицо было лишено свободы. Это означает, что недостаточного того, чтобы лишение свободы соответствовало внутригосударственному законодательству, оно также должно быть необходимо с учетом обстоятельств дела (см. Постановление Европейского Суда по делу «Витольд Литва против Польши» (*Witold Litwa v. Poland*) от 4 апреля 2004 г., жалоба № 26629/95, § 78).

144. В дополнение к этому в подпунктах «а»–«f» пункта 1 статьи 5 Конвенции содержится исчерпывающий перечень допустимых оснований лишения свободы, и такая мера не будет законной, если она не попадает под одно из этих оснований (см. *ibid.*, § 49, а также, в частности, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Саади против Соединенного Королевства» (*Saadi v. United Kingdom*), от 29 января 2008 г., жалоба № 13229/03, § 43, и Постановление Европейского Суда по делу «Йендровяк против Германии» (*Jendrowiak v. Germany*) от 14 апреля 2011 г., жалоба № 30060/04, § 31).

145. Что касается лишения свободы лиц с психическими расстройствами, никто не может быть лишен свободы как «душевнобольной» человек, если не соблюдены следующие три минимальные условия: во-первых, должно быть достоверно доказано, что лицо является душевнобольным, во-вторых, характер или степень психического расстройства лица должны требовать принудительного заключения под стражу, в-третьих, психическое расстройство должно продолжать сохраняться в период содержания лица под стражей (см. Постановление Европейского Суда по делу «Винтерверп против Нидерландов» (*Winterwerp v. Netherlands*) от 24 октября 1979 г., жалоба № 6301/73, § 39, упомянутые выше Постановления Европейского Суда по делам «Штукатуров против Российской Федерации» (*Shtukaturov v. Russia*), § 114, и «Варбанов против Болгарии» (*Varbanov v. Bulgaria*), § 45).

146. Что касается второго из перечисленных условий, лишение свободы лица с психическим расстройством может быть необходимо не только в том случае, если данное лицо нуждается в терапии, медикаментах или другой стационарной помощи для излечения или улучшения его состояния, но также если необходимы контроль и надзор за таким лицом с целью предотвращения, например, причинения вреда себе или иным лицам (см. Постановление Европейского Суда по делу «Хатчисон Рейд против Соединенного Королевства» (*Hutchison Reid v. United Kingdom*) от 20 февраля 2003 г., жалоба № 50272/99, § 52).

147. Европейский Суд далее напоминает, что должна существовать определенная связь между основанием для допустимого лишения свободы, на которое ссылаются власти, и местом и условиями

содержания. Как правило, «лишение свободы» лица с психическим расстройством является «законным» по смыслу подпункта «е» пункта 1 статьи 5 Конвенции, только если лицо содержится в больнице, клинике или ином соответствующем учреждении, предназначенном для данной цели (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Эшингдейн против Соединенного Королевства» (*Ashingdane v. United Kingdom*), § 44, и Постановление Европейского Суда по делу «Панкевич против Польши» (*Pankiewicz v. Poland*) от 12 февраля 2008 г., жалоба № 34151/04, §§ 42–45). Однако без ущерба для вышеизложенного соответствующие лечение или условия в принципе не попадают в сферу действия подпункта «е» пункта 1 статьи 5 Конвенции (см. упомянутые выше Постановления Европейского Суда по делам «Эшингдейн против Соединенного Королевства» (*Ashingdane v. United Kingdom*), § 44, и «Хатчисон Рейд против Соединенного Королевства» (*Hutchison Reid v. United Kingdom*), § 49).

(b) Применение вышеизложенных принципов в настоящем деле

148. При рассмотрении вопроса о том, было ли помещение заявителя в Пастрский приют социальной защиты «законным» по смыслу пункта 1 статьи 5 Конвенции, Европейский Суд должен проверить, соответствовала ли оспариваемая мера законодательству Болгарии, попадала ли она в сферу действия одного из исключений, предусмотренных в подпунктах «а»–«f» пункта 1 статьи 5 Конвенции из правила о личной свободе, и, наконец, была ли она обоснована с точки зрения одного из этих исключений.

149. На основании соответствующих нормативных документов, действующих в Болгарии (см. выше §§ 57–59), Европейский Суд отмечает, что законодательство государства-ответчика предусматривает помещение в учреждение социальной защиты в качестве защитной меры, которая принимается по требованию заинтересованного лица и не является принудительной мерой, применяемой по одному из оснований, перечисленных в подпунктах «а»–«f» пункта 1 статьи 5 Конвенции. Однако при конкретных обстоятельствах настоящего дела оспариваемая мера привела к значительным ограничениям личной свободы и к лишению заявителя свободы независимо от его воли и желаний (см. выше §§ 121–132).

150. Что касается того, была ли соблюдена процедура, предусмотренная законом, Европейский Суд прежде всего отмечает, что согласно законодательству Болгарии попечитель лица, ограниченного в дееспособности, не имеет права выполнять юридические действия от имени данного лица. Любые соглашения, заключенные в этих случаях, являются действительными, только если они

подписаны и попечителем, и лицом, в отношении которого установлено попечительство (см. выше § 42). Таким образом, Европейский Суд приходит к выводу, что принятое попечителем заявителя R.P. решение о помещении заявителя в приют для лиц с психическим расстройствами без получения его предварительного согласия было недействительным в соответствии с законодательством Болгарии. Этот вывод сам по себе является достаточным для того, чтобы Европейский Суд мог заключить, что лишение заявителя свободы не соответствовало статье 5 Конвенции.

151. В любом случае Европейский Суд полагает, что данная мера не была законной по смыслу пункта 1 статьи 5 Конвенции, поскольку она не основывалась на одном из подпунктов «а»–«f» пункта 1 указанной статьи Конвенции.

152. Заявитель признал, что органы власти действовали главным образом на основе соглашений, регулирующих предоставление социальной защиты (см. выше § 134). Однако он считал, что примененные к нему ограничения представляли собой лишение свободы, которое не требовалось в соответствии с одним из исключений из правила о личной свободе, предусмотренных в подпунктах «а»–«f» пункта 1 статьи 5 Конвенции. Власти Болгарии утверждали, что помещение заявителя в приют было предназначено исключительно для защиты его интереса в получении социальной помощи (см. выше §§ 136–137). Вместе с тем они отмечали, что, если Европейский Суд сочтет пункт 1 статьи 5 Конвенции применимым к настоящему делу, оспариваемая мера должна быть признана соответствующей подпункту «е» пункта 1 статьи 5 Конвенции ввиду наличия у заявителя психического расстройства (см. выше § 138).

153. Европейский Суд отмечает, что заявитель имел право на получение социальной помощи, поскольку у него не было жилья и он не мог работать в связи с имевшимся у него заболеванием. Европейский Суд считает, что при определенных обстоятельствах благополучие лица, страдающего психическим расстройством, является еще одним фактором, который необходимо принимать во внимание наряду с медицинскими документами при оценке необходимости помещения данного лица в то или иное учреждение. Тем не менее объективная потребность в жилье и социальной помощи не должна автоматически приводить к применению мер, предполагающих лишение свободы. Европейский Суд подчеркивает, что любая защитная мера должна отражать настолько, насколько это возможно, пожелания лиц, способных выражать свою волю. Отсутствие попыток выяснить их мнение может привести к злоупотреблениям и воспрепятствовать реализации прав уязвимых лиц. Следовательно, любая мера, которая была принята без предварительной консультации с заинтересованным лицом, как правило, требует тщательной проверки.

154. Европейский Суд готов признать, что помещение заявителя в приют было прямым следствием состояния его психического здоровья, ограничения его дееспособности и установления в отношении него попечительства. Приблизительно через шесть дней после ее назначения попечитель заявителя R.P., не будучи с ним знакома и не увидевшись с ним, на основе материалов дела решила обратиться к социальным службам с ходатайством о помещении заявителя в приют для лиц с психическими расстройствами. Социальные службы, со своей стороны, также сослались на состояние психического здоровья заявителя и пришли к выводу, что это ходатайство подлежит удовлетворению. Для Европейского Суда очевидно, что, если бы заявитель не был ограничен в дееспособности в связи с его психическим расстройством, он не был бы лишен свободы. Следовательно, настоящее дело должно быть рассмотрено с точки зрения подпункта «е» пункта 1 статьи 5 Конвенции.

155. Остается определить, соответствовало ли помещение заявителя в приют требованиям, предусмотренным в прецедентной практике Европейского Суда, относительно лишения свободы лиц с психическими расстройствами (см. принципы, изложенные выше в § 145). В этой связи Европейский Суд напоминает, что при решении вопроса о том, следует ли лишать свободы «душевнобольное» лицо, власти должны иметь определенную свободу действий, поскольку именно они в первую очередь рассматривают представленные им доказательства по конкретному делу. Задача Европейского Суда заключается в том, чтобы оценивать решения властей государства-ответчика на предмет соответствия Конвенции (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Винтерверп против Нидерландов» (*Winterwerp v. Netherlands*), § 40, и Постановление Европейского Суда по делу «Луберти против Италии» (*Luberti v. Italy*) от 23 февраля 1984 г., жалоба № 9019/80, § 27).

156. В настоящем деле установлено, что заключение медицинской экспертизы, представленное в ходе производства по делу об ограничении дееспособности заявителя, указывало на психическое расстройство, которым он страдал. Однако соответствующее обследование заявителя имело место до ноября 2000 года, тогда как заявитель был помещен в Пастрский приют социальной защиты 10 декабря 2002 г. (см. выше §§ 10 и 14). Таким образом, прошло более двух лет после оценки психического состояния заявителя, на которое ссылались власти государства-ответчика, до его помещения в приют, и в течение этого периода попечитель не проверяла, изменилось ли его состояние, не встречалась и не разговаривала с ним. В отличие от властей Болгарии (см. выше § 138) Европейский Суд полагает, что данный период был чрезмерным и что медицинское заключение, составленное в 2000 году, не могло рассматриваться как достоверное отобра-

жение состояния психического здоровья заявителя во время его помещения в приют. Необходимо также отметить, что у органов власти не было юридической обязанности проведения психиатрического обследования во время помещения заявителя в приют. Власти Болгарии объяснили в этой связи, что применению подлежали положения Закона о социальной защите, а не Закона о здравоохранении (см. выше §§ 57–60 и 137). Тем не менее, по мнению Европейского Суда, отсутствие недавнего медицинского обследования является достаточным для того, чтобы сделать вывод, что помещение заявителя в приют не было законным с точки зрения подпункта «е» пункта 1 статьи 5 Конвенции.

157. В качестве дополнительного довода Европейский Суд отмечает, что иные требования, предусмотренные подпунктом «е» пункта 1 статьи 5 Конвенции, также не были соблюдены в настоящем деле. Что касается необходимости обосновать помещение в приют серьезностью заболевания, он отмечает, что целью заключения от 2000 года не являлось рассмотрение вопроса о том, требовало ли состояние здоровья заявителя его помещения в приют для лиц с психическими расстройствами. Данное заключение было призвано лишь разрешить вопрос о его юридической защите. Несмотря на то, что подпункт «е» пункта 1 статьи 5 Конвенции разрешает лишение свободы лица, страдающего психическим расстройством, даже в случае, когда не рассматривается вопрос о его лечении (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Хатчисон Рейд против Соединенного Королевства» (*Hutchison Reid v. United Kingdom*), § 52), такая мера должна быть надлежащим образом обоснована тяжестью состояния лица в интересах обеспечения его или ее собственной защиты или защиты иных лиц. Однако в настоящем деле не было установлено, что заявитель представлял собой опасность для себя или для других лиц, например, в связи с его психическим состоянием. Одних утверждений некоторых свидетелей о том, что заявитель становился агрессивным, когда был пьян (см. выше § 10), недостаточно для этой цели. Также у властей не было данных о каких-либо насильственных действиях со стороны заявителя во время его нахождения в Пастрском приюте социальной защиты.

158. Европейский Суд также отмечает недостатки в оценке того, сохранялось ли психическое расстройство, которое требовало лишения заявителя свободы. Хотя заявитель находился под наблюдением психиатра (см. выше § 31), целью такого наблюдения не являлось предоставление на регулярной основе оценки того, было ли по-прежнему необходимо содержать заявителя в Пастрском приюте социальной защиты для целей подпункта «е» пункта 1 статьи 5 Конвенции. Согласно действовавшему на тот момент законодательству этого не требовалось делать.

159. Принимая во внимание вышеизложенное, Европейский Суд отмечает, что помещение заявителя в приют не было осуществлено «в порядке, установленном законом», и что его лишение свободы не было обосновано в соответствии с подпунктом «е» пункта 1 статьи 5 Конвенции. Помимо этого власти Болгарии не привели иных причин, перечисленных в подпунктах «а»–«f» пункта 1 статьи 5 Конвенции, которые могли бы послужить основанием для лишения свободы в настоящем деле.

160. Таким образом, по делу было допущено нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ПУНКТА 4 СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

161. Заявитель жаловался на то, что у него не было возможности добиться пересмотра законности решения о его помещении в Пастрский приют социальной защиты.

Он ссыался на пункт 4 статьи 5 Конвенции, который гласит:

«Каждый, кто лишен свободы в результате ареста или заключения под стражу, имеет право на безотлагательное рассмотрение судом правомочности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным».

A. ДОВОДЫ СТОРОН В БОЛЬШОЙ ПАЛАТЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА

1. Заявитель

162. Заявитель утверждал, что законодательство Болгарии не предусматривало каких-либо специальных средств правовой защиты в отношении его ситуации, таких как периодический судебный пересмотр правомочности его помещения в приют для лиц с психическими расстройствами. Он добавил, что, поскольку он считался неспособным самостоятельно совершать юридические действия, законодательство Болгарии не предоставляло ему возможности обращаться в суд за разрешением покинуть Пастрский приют социальной защиты. Заявитель также указывал, что он не мог добиваться прекращения действия соглашения о его помещении в приют ввиду конфликта интересов с его попечителем, которая одновременно была директором приюта.

163. Заявитель далее отмечал, что ему не было разрешено обращаться в суды с целью инициировать производство, предусмотренное статьей 277 ГПК Болгарии (см. выше § 51), и, более того, данные действия не привели бы к пересмотру правомочности его лишения его свободы, а только к пересмотру условий, которые обосновывали установление попечительства в его деле.

164. Он также указывал, что процедура, предусмотренная статьями 113 и 115 Семейного кодек-

са (см. выше §§ 49–50), в теории предоставляла его близким родственникам право просить мэра о замене попечителя или требовать от мэра прекращения соглашения о его помещении в приют. Однако это было косвенное средство правовой защиты, к которому у него не было доступа, поскольку его сестра и вторая жена его отца не хотели инициировать такое производство.

2. Власти Болгарии

165. Власти Болгарии утверждали, что, поскольку цель помещения заявителя в приют заключалась в предоставлении социальной помощи, он мог в любое время просить о прекращении соглашения о помещении в приют, и отсутствовала необходимость обращаться для этой цели в суды. По их словам, в связи с тем, что заявитель указывал на конфликт интересов между ним и его попечителем, он мог сослаться на пункт 1 статьи 123 Семейного кодекса (см. выше § 50) и просить орган опеки и попечительства назначить представителя *ad hoc*, который мог затем дать согласие на смену его постоянного места проживания.

166. Власти Болгарии также отмечали, что близкие родственники заявителя не воспользовались возможностью, предоставленной некоторым из них в соответствии со статьями 113 и 115 Семейного кодекса, требовать от органа опеки и попечительства замены попечителя или оспорить действия последнего. Они добавили, что в случае отказа родственники заявителя могли подать жалобу в суд, который бы рассмотрел дело по существу и в случае необходимости назначил нового попечителя, который бы затем прекратил соглашение о помещении заявителя в приют. Власти Болгарии полагали, что это позволило бы родственникам оспорить по существу соглашение, подписанное между R.P. и Пастрским приютом социальной защиты.

167. Наконец, власти Болгарии считали, что иск о восстановлении дееспособности (на основании статьи 277 ГПК Болгарии, см. выше § 51) являлся средством правовой защиты для целей пункта 4 статьи 5 Конвенции, поскольку, если бы было установлено достаточное улучшение состояния заявителя и попечительство над ним было бы прекращено, он смог бы свободно вернуться домой.

B. МНЕНИЕ БОЛЬШОЙ ПАЛАТЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА

1. Общие принципы

168. Европейский Суд напоминает, что пункт 4 статьи 5 предоставляет лицам, лишенным свободы, право инициировать производство с целью пересмотра соблюдения процессуальных и материальных условий, которые являются важными для «правомочности» лишения их свободы, в терминах

Конвенции. Понятие «правомерность», которое содержится в пункте 4 статьи 5 Конвенции, имеет то же значение, что и в пункте 1 статьи 5 Конвенции, и лицо, лишённое свободы, имеет право на пересмотр «правомерности» лишения свободы в свете не только требований внутригосударственного законодательства, но и Конвенции, общих принципов, предусмотренных в ней, и цели ограничений, указанных в пункте 1 статьи 5 Конвенции. Пункт 4 статьи 5 Конвенции не гарантирует право на судебный пересмотр такого охвата, который позволил бы суду заменить своим выводом мнение органа, принявшего решение, в отношении всех аспектов дела, включая вопросы целесообразности. Однако пересмотр должен быть достаточно широким для того, чтобы касаться тех условий, которые важны для «правомерного» лишения свободы лица в соответствии с пунктом 1 статьи 5 Конвенции (см. Постановление Европейского Суда по делу «Е. против Норвегии» (E. v. Norway) от 29 августа 1990 г., жалоба № 11701/85, § 50). Пересматривающий решение «суд» должен выполнять не только консультативные функции, но и у него должны быть полномочия «определять» «правомерность» лишения свободы с целью вынести приказ об освобождении, если лишение свободы неправомерно (см. Постановление Европейского Суда по делу «Ирландия против Соединенного Королевства» (Ireland v. United Kingdom) от 18 января 1978 г., жалоба № 5310/71, § 200, Постановление Европейского Суда по делу «Викс против Соединенного Королевства» (Weeks v. United Kingdom) от 2 марта 1987 г., жалоба № 9787/82, § 61, Постановление Европейского Суда по делу «Чахал против Соединенного Королевства» (Chahal v. United Kingdom) от 15 ноября 1996 г., жалоба № 22414/93, § 130, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «А. и другие против Соединенного Королевства» (A. and Others v. United Kingdom) от 19 февраля 2009 г., жалоба № 3455/05¹, § 202).

169. Формы судебного рассмотрения, удовлетворяющие требованиям пункта 1 статьи 5 Конвенции, могут варьироваться и зависят от вида лишения свободы. В компетенцию Европейского Суда не входит выяснение вопроса о том, что могло бы быть лучшей или наиболее уместной системой судебной проверки в соответствующей сфере (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Штукатуров против Российской Федерации» (Shtukaturov v. Russia), § 123).

170. Тем не менее гарантированное пунктом 4 статьи 5 Конвенции средство правовой защиты должно быть доступно соответствующему лицу и должно предоставлять возможность пересмотра вопроса о соблюдении условий признания лишения душевнобольного лица свободы «правомерным» для

целей подпункта «е» пункта 1 статьи 5 Конвенции (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Эшингдейн против Соединенного Королевства» (Ashingdane v. United Kingdom), § 52). Требование Конвенции о возможности подвергнуть решение о лишении свободы контролю со стороны суда имеет важнейшее значение в контексте подразумеваемой в статье 5 Конвенции цели обеспечения гарантий против произвола. На карту поставлены как защита физической свободы лиц, так и их личная безопасность (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Варбанов против Болгарии» (Varbanov v. Bulgaria), § 58). В случае лишения свободы на основании психического заболевания могут требоваться специальные процессуальные гарантии для защиты интересов лиц, которые в силу их психической недостаточности неспособны сами сделать это (см. среди прочих примеров упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Винтерверп против Нидерландов» (Winterwerp v. Netherlands), § 60).

171. Среди принципов, выработанных в прецедентной практике Европейского Суда по пункту 4 статьи 5 Конвенции в отношении «душевнобольных» лиц, можно выделить следующие:

(а) лицо, лишённое свободы на неопределенный или длительный срок, как правило, имеет право, во всяком случае при отсутствии автоматической периодической проверки судом правомерности и обоснованности лишения свободы, обращаться «через разумные промежутки» времени в суд для рассмотрения вопроса о «правомерности» по смыслу положений Конвенции, лишения его свободы;

(б) пункт 4 статьи 5 Конвенции требует, чтобы производство имело судебный характер и обеспечивало определенные процессуальные гарантии, соответствующие типу лишения свободы. Для того, чтобы определить, были ли в ходе производства обеспечены соответствующие гарантии, необходимо принимать во внимание особый характер обстоятельств, при которых они имели место;

(с) судебное производство, указанное в пункте 4 статьи 5 Конвенции, не всегда должно обеспечивать те же гарантии, что и статья 6 Конвенции по уголовному или гражданскому разбирательству. Вместе с тем важно, чтобы у соответствующего лица были доступ к суду и возможность быть заслушанным либо лично, либо при необходимости через ту или иную форму представительства (см. Постановление Европейского Суда по делу «Мегьери против Германии» (Megyeri v. Germany) от 12 мая 1992 г., жалоба № 13770/88, § 22).

2. Применение вышеизложенных принципов в настоящем деле

172. Европейский Суд отмечает, что власти Болгарии не указали какого-либо внутригосударственного средства правовой защиты, способ-

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2020. № 5 (примеч. редактора).

ного предоставить заявителю прямую возможность оспорить правомерность его помещения в Пастрский приют социальной защиты и продолжавшегося применения к нему данной меры. Он также подчеркивает, что суды Болгарии не были задействованы каким-либо образом или в какое-либо время в процесс помещения заявителя в приют и что внутригосударственное законодательство не предусматривает автоматической периодической проверки судом правомерности и обоснованности помещения в приют для лиц с психическими расстройствами. Кроме того, поскольку помещение заявителя в приют не признается в качестве лишения свободы согласно законодательству Болгарии (см. выше § 58), не предусмотрены какие-либо средства правовой защиты, которые позволяли бы оспорить правомерность данной меры как лишения свободы. В дополнение к этому Европейский Суд отмечает, что в соответствии с прецедентной практикой судов Болгарии действительность соглашения о помещении в приют могла быть оспорена на основании отсутствия согласия только по инициативе попечителя (см. выше § 54).

173. В связи с тем, что власти Болгарии отсылали к процедуре восстановления дееспособности, предусмотренной статьей 277 ГПК Болгарии (см. выше § 167), Европейский Суд отмечает, что целью данной процедуры были бы не рассмотрение по сути вопроса о правомерности помещения заявителя в приют, а лишь пересмотр правового статуса заявителя (см. выше §§ 233–246). Власти Болгарии также ссылались на процедуры по пересмотру действий попечителей (см. выше §§ 165–166). Европейский Суд считает необходимым определить, могли ли данные средства правовой защиты привести к судебному пересмотру правомерности помещения заявителя в приют, как того требует пункт 4 статьи 5 Конвенции.

174. Европейский Суд отмечает, что Семейный кодекс 1985 года предоставлял близким родственникам лица, в отношении которого было установлено попечительство, оспорить решения органа опеки и попечительства, который в свою очередь был обязан пересмотреть меры, принятые попечителем, в том числе соглашение о помещении в приют, и заменить попечителя в случае невыполнения им или ею своих обязанностей (см. выше §§ 48–50). Однако Европейский Суд замечает, что данные средства правовой защиты не были непосредственно доступны для заявителя. Кроме того, ни одно из лиц, которое теоретически могло ими воспользоваться, не выражало намерения действовать в интересах заявителя, а он сам не имел возможности предпринять что-либо по собственной инициативе без их одобрения.

175. Неясно, мог ли заявитель обратиться к мэру с требованием о получении объяснений от попечителя или о приостановлении исполнения соглашения о помещении в приют на основании того, что

он был инвалидом. В любом случае представляется, что, поскольку он был ограниченно дееспособным, закон не наделял его правом обращаться от собственного имени в суд, чтобы оспорить действия мэра (см. выше § 49). Власти Болгарии не возражали против этого довода.

176. Аналогичный вывод следует сделать применительно к возможности заявителя требовать от мэра замены попечителя на время представителем *ad hoc* на основании предполагаемого конфликта интересов и впоследствии требовать прекращения соглашения о помещении в приют. В этой связи Европейский Суд отмечает, что мэр был уполномочен решить, имел ли в деле место конфликт интересов (см. выше § 50). Наконец, представляется, что заявитель не мог обратиться в суд по собственной инициативе с целью добиться пересмотра дела по существу в случае отказа мэра от принятия данного решения.

177. Таким образом, Европейский Суд приходит к выводу, что средства правовой защиты, на которые ссылались власти Болгарии, были либо недоступны заявителю, либо не являлись судебными по своему характеру. Более того, ни одно из них не могло привести к непосредственному пересмотру правомерности помещения заявителя в Пастрский приют социальной защиты с точки зрения законодательства Болгарии и Конвенции.

178. Принимая во внимание вышеизложенное, Европейский Суд отклоняет предварительный довод властей Болгарии о неисчерпании внутригосударственных средств правовой защиты (см. выше §§ 97–99) и приходит к заключению, что по делу было допущено нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ПУНКТА 5 СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

179. Заявитель утверждал, что у него не было права на компенсацию в связи с предполагаемыми нарушениями его прав, предусмотренных пунктами 1 и 4 статьи 5 Конвенции.

Он ссылался на пункт 5 статьи 5 Конвенции, который гласит:

«Каждый, кто стал жертвой ареста или заключения под стражу в нарушение положений настоящей статьи, имеет право на компенсацию».

А. ДОВОДЫ СТОРОН В БОЛЬШОЙ ПАЛАТЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА

180. Заявитель утверждал, что обстоятельства, при которых возникало право на компенсацию в связи с неправомерным лишением свободы, были исчерпывающим образом перечислены в Законе об ответственности (см. выше §§ 62–67), и что его собственная ситуация не относилась к их числу. Он также жаловался на то, что в его распоряжении не

было средств правовой защиты, с помощью которых он мог бы требовать компенсации за нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции.

181. Власти Болгарии утверждали, что процедура компенсации, предусмотренная Законом об ответственности, могла быть инициирована, если бы было признано, что помещение заявителя в приют не имело правовых оснований. Поскольку помещение заявителя в приют было признано соответствующим законодательству Болгарии и интересам заявителя, у последнего не было возможности инициировать такое производство.

В. МНЕНИЕ БОЛЬШОЙ ПАЛАТЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА

182. Европейский Суд напоминает, что требования пункта 5 статьи 5 Конвенции являются выполненными, если существует возможность обратиться за компенсацией в связи с лишением свободы, которое было осуществлено с нарушением пунктов 1–4 статьи 5 Конвенции (см. Постановление Европейского Суда по делу «Вассинк против Нидерландов» (*Wassink v. Netherlands*) от 27 сентября 1990 г., жалоба № 12535/86, § 38, и Постановление Европейского Суда по делу «Хоутман и Мееус против Бельгии» (*Houtman and Meeus v. Belgium*) от 17 марта 2009 г., жалоба № 22945/07, § 43). Таким образом, право на компенсацию, предусмотренное пунктом 5 статьи 5 Конвенции, предполагает, что внутригосударственным органом или Европейским Судом было установлено нарушение одного из пунктов статьи 5 Конвенции. В этой связи эффективное осуществление права на компенсацию должно обеспечиваться с достаточной степенью определенности (см. Постановление Европейского Суда по делу «Чулла против Италии» (*Ciulla v. Italy*) от 22 февраля 1989 г., жалоба № 11152/84, § 44, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Сакык и другие против Турции» (*Sakik and Others v. Turkey*) от 26 ноября 1997 г., жалобы №№ 23878/94, 23879/94, 23880/94, 23881/94, 23882/94 и 23883/94, § 60, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «N.C. против Италии» (*N.C. v. Italy*) от 18 декабря 2002 г., жалоба № 24952/94, § 49).

183. Возвращаясь к обстоятельствам настоящего дела, Европейский Суд отмечает, что с учетом его вывода о нарушении пунктов 1 и 4 статьи 5 Конвенции пункт 5 статьи 5 Конвенции является применимым. Следовательно, он должен проверить, было ли до принятия настоящего Постановления у заявителя на внутригосударственном уровне право на компенсацию, которое могло быть принудительно исполнено, и будет ли у него такое право после принятия настоящего Постановления.

184. Европейский Суд напоминает в этой связи, что для того, чтобы констатировать нарушение пункта 5 статьи 5 Конвенции, он должен установить, что вывод о нарушении другого пункта статьи 5 Конвенции не мог привести до или после вынесения постановления Европейского Суда к возможности предъявления во внутригосударственных судах требования о компенсации, которое могло быть принудительно исполнено (см. Постановление Европейского Суда по делу «Броган и другие против Соединенного Королевства» (*Brogan and Others v. United Kingdom*) от 29 ноября 1988 г., жалобы №№ 11209/84, 11234/84, 11266/84 и 11386/85, §§ 66–67).

185. Принимая во внимание упомянутую выше прецедентную практику, Европейский Суд полагает, что он прежде всего должен определить, могло ли нарушение пунктов 1 и 4 статьи 5 Конвенции привести к возникновению права на получение компенсации во внутригосударственных судах до вынесения настоящего Постановления.

186. Что касается нарушения пункта 1 статьи 5 Конвенции, Европейский Суд отмечает, что часть 1 статьи 2 Закона об ответственности предусматривала компенсацию вреда, причиненного судебным постановлением о некоторых видах лишения свободы, если постановление было отменено как лишенное правовых оснований (см. выше § 62). Однако в настоящем деле ситуация была иной. Из материалов дела следует, что органы судебной власти Болгарии ни на одной стадии процедуры не признавали оспариваемую меру неправомерной или иным образом нарушавшей статью 5 Конвенции. Кроме того, власти Болгарии последовательно утверждали, что помещение заявителя в приют соответствовало законодательству страны. Таким образом, Европейский Суд приходит к выводу, что заявитель не мог требовать какой-либо компенсации в соответствии с упомянутым выше положением при отсутствии признания властями Болгарии неправомерности его помещения в приют.

187. В отношении предусмотренной статьей 1 Закона об ответственности возможности требовать компенсации вреда, причиненного незаконными действиями властей (см. выше § 63), Европейский Суд отмечает, что власти Болгарии не предоставили каких-либо постановлений судов страны, которые бы указывали на то, что данное положение применялось к делам, касавшимся помещения лиц с психическими расстройствами в приюты социальной защиты на основании гражданско-правовых соглашений.

188. Кроме того, поскольку согласно законодательству Болгарии заявителю не было доступно какое-либо средство правовой защиты для пересмотра правомерности его помещения в приют, он не мог ссылаться на ответственность государства как на основание получения компенсации за нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции.

189. Далее возникает вопрос о том, приведет ли вынесение по настоящему делу Постановления, в котором установлены нарушения пунктов 1 и 4 статьи 5 Конвенции, к возникновению у заявителя права требовать компенсацию в соответствии с законодательством Болгарии. Европейский Суд отмечает, что из применимого законодательства не следует, что такое средство правовой защиты существует, и власти государства-ответчика не привели доводов в подтверждение обратного.

190. Таким образом, не было доказано, что до или после вынесения настоящего Постановления у заявителя было или будет право на компенсацию за нарушения пунктов 1 и 4 статьи 5 Конвенции.

191. Следовательно, по делу было допущено нарушение пункта 5 статьи 5 Конвенции.

IV. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ, ВЗЯТОЙ ОТДЕЛЬНО И ВО ВЗАИМОСВЯЗИ СО СТАТЬЕЙ 13 КОНВЕНЦИИ

192. Заявитель жаловался на то, что условия его проживания в Пастрском приюте социальной защиты были ненадлежащими и что в отношении данной жалобы отсутствовали эффективные средства правовой защиты. Он ссылаясь на статью 3 Конвенции, взятой в отдельности и во взаимосвязи со статьей 13 Конвенции. Данные положения Конвенции гласят:

«Статья 3

Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию...

Статья 13

Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве».

А. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ДОВОД О НЕИСЧЕРПАНИИ ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННЫХ СРЕДСТВ ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ

193. В своих письменных замечаниях, представленных в Большую Палату Европейского Суда, власти Болгарии в первый раз заявили о неисчерпании внутригосударственных средств правовой защиты в отношении жалобы на нарушение статьи 3 Конвенции. Они утверждали, что заявитель мог получить компенсацию за условия проживания в приюте, подав иск на основании Закона об ответственности.

194. Европейский Суд напоминает, что в соответствии с правилом 55 Регламента Европейского Суда любой довод о неприемлемости жалобы для рассмо-

трения по существу в той мере, в какой это позволяют его характер и обстоятельства, должен быть заявлен властями государства-ответчика в своих письменных или устных замечаниях относительно приемлемости жалобы для рассмотрения по существу (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «N.C. против Италии» (N.C. v. Italy), § 44). Если довод о неисчерпании внутригосударственных средств правовой защиты заявлен с нарушением срока для целей правила 55 Регламента Европейского Суда, власти государства-ответчика лишаются права выдвижения предварительного довода, и последний может быть отклонен (см. Постановление Европейского Суда по делу «Великова против Болгарии» (Velikova v. Bulgaria) от 18 мая 2000 г., жалоба № 41488/98, § 57, и Постановление Европейского Суда по делу «Танрыбилир против Турции» (Tanribilir v. Turkey) от 16 ноября 2000 г., жалоба № 21422/93, § 59).

195. В настоящем деле власти Болгарии не указали на какие-либо обстоятельства, которые бы оправдывали то, что они не заявили о неисчерпании внутригосударственных средств правовой защиты во время рассмотрения Палатой Европейского Суда вопроса о приемлемости жалобы для рассмотрения по существу.

196. С учетом вышеизложенного Европейский Суд считает, что власти Болгарии лишаются права выдвижения предварительного довода, который, следовательно, подлежит отклонению.

В. СУЩЕСТВО ЖАЛОБЫ В СООТВЕТСТВИИ СО СТАТЬЕЙ 3 КОНВЕНЦИИ

1. Доводы сторон

197. Заявитель утверждал, что ненадлежащие условия проживания в Пастрском приюте социальной защиты, в частности, недостаточное питание, неудовлетворительные санитарные условия, отсутствие отопления, принудительное лечение, перенаселенные спальные комнаты, отсутствие терапевтического лечения, культурного досуга представляли собой обращение, запрещенное статьей 3 Конвенции.

198. Он отметил, что власти Болгарии уже признали в 2004 году, что такие условия проживания не соответствовали европейским стандартам, и обязались улучшить ситуацию (см. выше § 82). Однако условия проживания в приюте не изменились, по крайней мере, до 2009 года.

199. В своих замечаниях, представленных Палате Европейского Суда, власти Болгарии согласились с указанными недостатками условий проживания в приюте. Они объяснили, что недостаточность финансовых средств, предоставляемых подобным учреждениям, являлась главным препятствием для обеспечения необходимых минималь-

ных стандартов проживания. Они также утверждали, что после проверки Службы социальной помощи власти решили закрыть Пастрский приют социальной защиты и принять меры по улучшению условий проживания для его жильцов. По утверждению властей Болгарии, поскольку условия проживания были одинаковыми для всех жильцов приюта и не было намерения жестоко обращаться именно с заявителем, он не подвергался унижающему достоинство обращению.

200. В ходе рассмотрения дела в Большой Палате Европейского Суда власти Болгарии указали, что в конце 2009 года был сделан ремонт в той части приюта, в которой проживал заявитель (см. выше § 24).

2. Мнение Большой Палаты Европейского Суда

(а) Общие принципы

201. Статья 3 Конвенции закрепляет одну из основополагающих ценностей демократического общества. Она запрещает в абсолютных выражениях пытки и бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или наказание независимо от обстоятельств и поведения жертвы (см. среди многих прочих примеров Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кудла против Польши» (*Kudła v. Poland*) от 26 октября 2000 г., жалоба № 30210/96, § 90, и Постановление Европейского Суда по делу «Полторацкий против Украины» (*Poltoratskiy v. Ukraine*) от 29 апреля 2003 г., жалоба № 38812/97, § 130).

202. Жестокое обращение должно достигать минимального уровня суровости, чтобы попадать в сферу действия статьи 3 Конвенции. Оценка данного минимального уровня суровости является относительной и зависит от всех обстоятельств дела, таких как характер и контекст обращения, способ и метод его осуществления, его продолжительность, физические и психические последствия и в некоторых случаях пол, возраст и состояние здоровья потерпевшего (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кудла против Польши» (*Kudła v. Poland*), § 91, и упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Полторацкий против Украины» (*Poltoratskiy v. Ukraine*), § 131).

203. Европейский Суд признавал обращение «бесчеловечным», поскольку, *inter alia*, оно было преднамеренным, применялось непрерывно в течение нескольких часов и приводило либо к реальным телесным повреждениям, либо к сильным физическим или моральным страданиям (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Лабита против Италии» (*Labita v. Italy*) от 6 апреля 2004 г., жалоба № 26772/95, § 120). Европейский Суд признавал обращение «унижающим достоинство», если оно приводило к появлению

у потерпевших чувств страха, тревоги и неполноценности, способных унижить и оскорбить их достоинство и, возможно, к подавлению их физического или морального сопротивления или принуждению действовать против их воли или совести (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Яллох против Германии» (*Jalloh v. Germany*) от 11 июля 2006 г., жалоба № 54810/00, § 68). В этой связи вопрос о том, имело ли такое обращение намерение унижить или оскорбить потерпевшего, является фактором, который необходимо принимать во внимание, несмотря на то, что отсутствие такой цели не влечет за собой автоматический вывод о том, что по делу не было допущено нарушения статьи 3 Конвенции (см. Постановление Европейского Суда по делу «Пирс против Греции» (*Peers v. Greece*) от 19 апреля 2001 г., жалоба № 28524/95, §§ 67, 68 и 74, и Постановление Европейского Суда по делу «Калашников против Российской Федерации» (*Kalashnikov v. Russia*) от 15 июля 2002 г., жалоба № 47095/99¹, § 95).

204. В любом случае степень страдания и унижения должна быть выше, чем та, что неизбежно присуща уровню страдания или унижения как элементу той или иной конкретной формы правомерного обращения или наказания. Меры, связанные с лишением человека свободы, часто включают такой элемент. Однако нельзя утверждать, что лишение свободы само по себе затрагивает вопрос в свете статьи 3 Конвенции. Вместе с тем в соответствии с этой статьей Конвенции государство должно принимать меры для того, чтобы лицо содержалось в условиях, которые совместимы с уважением его человеческого достоинства, чтобы формы и методы реализации данной меры не причиняли ему лишения и страдания в более высокой степени, чем тот уровень страданий, который неизбежен при лишении свободы, и чтобы с учетом практических требований режима лишения свободы его здоровье и благополучие были надлежащим образом обеспечены, в частности, путем предоставления ему необходимой медицинской помощи (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кудла против Польши» (*Kudła v. Poland*), §§ 92–94).

205. При оценке условий лишения свободы по статье 3 Конвенции необходимо принимать во внимание их совокупные последствия и продолжительность рассматриваемой меры (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Калашников против Российской Федерации» (*Kalashnikov v. Russia*), §§ 95 и 102, Постановление Европейского Суда по делу «Кехаёв против Болгарии» (*Kehayov v. Bulgaria*) от 18 января 2005 г., жалоба № 41035/98, § 64, и Постановление Европейского Суда по делу «Иовчев против Болгарии» (*Iovchev v.*

¹ См.: Путеводитель по прецедентной практике Европейского Суда по правам человека за 2002 год (примеч. редактора).

Bulgaria) от 2 февраля 2006 г., жалоба № 41211/98, § 127). В этой связи необходимо учитывать, помимо материальных условий, такой важный фактор, как режим лишения свободы. При оценке того, может ли ограничительный режим рассматриваться как обращение, нарушающее статью 3 Конвенции в определенном деле, необходимо принимать во внимание конкретные условия, строгость режима, его продолжительность, преследуемую им цель и последствия для соответствующего лица (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Кехаёв против Болгарии» (Kehayov v. Bulgaria), § 65).

(b) Применение вышеизложенных принципов в настоящем деле

206. В настоящем деле Европейский Суд установил, что помещение заявителя в Пастрский приют социальной защиты – ситуация, за которую власти Болгарии несут ответственность, – являлось лишением свободы по смыслу статьи 5 Конвенции (см. выше § 132). Следовательно, статья 3 Конвенции применима к ситуации заявителя, поскольку она запрещает бесчеловечное и унижающее достоинство обращение с любым лицом, находящимся под контролем властей. Европейский Суд подчеркивает, что запрет жестокого обращения, гарантированный статьей 3 Конвенции, применяется одинаково ко всем формам лишения свободы и, в частности, не предусматривает различия в зависимости от цели спорной меры. При этом не имеет значения, влечет ли за собой оспариваемая мера содержание под стражей в контексте уголовного производства или помещение в учреждение с целью защиты жизни или здоровья соответствующего лица.

207. Европейский Суд отмечает, что, по утверждению властей Болгарии, здание, в котором проживает заявитель, было отремонтировано в конце 2009 года, что привело к улучшению условий его проживания (см. выше § 200). Заявитель не оспаривал этот довод. Таким образом, Европейский Суд полагает, что жалобу заявителя следует рассматривать как относящуюся к периоду с 2002 по 2009 год. Власти Болгарии не отрицали, что в течение данного периода условия жизни заявителя соответствовали представленному им описанию и признали, что по экономическим причинам в этом отношении имели место некоторые недостатки (см. выше §§ 198–199).

208. Европейский Суд отмечает, что, несмотря на то, что заявитель проживал в комнате площадью 16 кв. м вместе с четырьмя другими жильцами, у него была значительная свобода передвижения как по территории приюта, так и за его пределами, что могло уменьшить негативные последствия ограниченности спальной зоны (см. Постановление Европейского Суда по делу «Валашинас против Литвы» (Valašinas v. Lithuania) от 24 января 2001 г., жалоба № 44558/98, § 103).

209. Тем не менее другие аспекты материальных условий жизни заявителя вызывают значительное беспокойство. В частности, представляется, что питание было недостаточным и плохого качества. Здание не отапливалось надлежащим образом, и зимой заявителю приходилось спать в пальто. Он мог принимать душ один раз в неделю в полуразрушенной ванной, находящейся в антисанитарном состоянии. Туалеты находились в неудовлетворительном состоянии, и доступ к ним был опасен согласно заключениям ЕКПП (см. выше §§ 21–23, 78 и 79). Кроме того, приют не возвращал после стирки вещи тем же жильцам, у которых они были взяты (см. выше § 21), что могло привести к возникновению у жильцов чувства неполноценности.

210. Европейский Суд не может игнорировать тот факт, что заявитель проживал в подобных условиях на протяжении значительного периода времени, около семи лет. Он также не может игнорировать заключения ЕКПП, который после посещения приюта пришел к выводу, что условия проживания в нем в соответствующее время могли приравниваться к бесчеловечному и унижающему достоинство обращению. Хотя власти Болгарии знали о данных выводах, с 2002 по 2009 год они не выполняли принятого ими на себя обязательства закрыть приют (см. выше § 82). Европейский Суд полагает, что отсутствие финансовых средств, упомянутое властями Болгарии, не является уместным доводом, чтобы оправдать проживание заявителя в описанных условиях (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Полторацкий против Украины» (Poltoratskiy v. Ukraine), § 148).

211. Вместе с тем Европейский Суд подчеркивает, что никто не утверждал, что у властей было намерение подвергнуть заявителя унижающему достоинство обращению. Однако, как отмечено выше (см. § 203), само по себе отсутствие данной цели не может исключать возможности вывода о нарушении статьи 3 Конвенции.

212. В заключение, отмечая улучшения, которые, как представляется, были сделаны в Пастрском приюте социальной защиты с конца 2009 года, Европейский Суд полагает, что в целом условия проживания заявителя на протяжении около семи лет представляли собой унижающее достоинство обращение.

213. Следовательно, по делу было допущено нарушение статьи 3 Конвенции.

С. СУЩЕСТВО ЖАЛОБЫ НА НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ ВО ВЗАИМОСВЯЗИ СО СТАТЬЕЙ 13 КОНВЕНЦИИ

1. Доводы сторон в Большой Палате Европейского Суда

214. Заявитель утверждал, что у него не было доступа к каким-либо внутригосударственным

средствам правовой защиты, предусмотренным Законом об ответственности, включая предъявление требования о компенсации, без согласия его попечителя. В этой связи он подчеркивал, что у него не было попечителя на протяжении более двух лет, после истечения срока полномочий R.P. 31 декабря 2002 г. (см. выше § 12) и до назначения нового попечителя 2 февраля 2005 г. (см. выше § 17). Кроме того, его новый попечитель являлся директором приюта социальной защиты. Таким образом, в случае любого спора относительно условий проживания в приюте имел бы место конфликт интересов между заявителем и его попечителем, и заявитель не мог ожидать, что его попечитель поддержит его обращения.

215. По утверждениям властей Болгарии, иск о восстановлении дееспособности (см. выше §§ 51–52) представлял собой средство правовой защиты, посредством которого заявитель мог добиться пересмотра своего статуса, и в случае отмены попечительства он мог бы покинуть приют социальной защиты и прекратить находиться в условиях, на которые он жаловался.

216. Власти Болгарии добавили, что заявитель мог самостоятельно обратиться с жалобой на условия проживания в Пастрском приюте социальной защиты путем подачи иска на основании статьи 1 Закона об ответственности (см. выше §§ 62–67).

2. Мнение Большой Палаты Европейского Суда

217. Европейский Суд отсылает к своей устоявшейся прецедентной практике, согласно которой статья 13 Конвенции гарантирует наличие на внутригосударственном уровне средства правовой защиты, в ходе использования которого рассматривается по существу «доказуемая жалоба» на нарушение Конвенции и обеспечивается соответствующее восстановление прав. Договаривающимся Государствам предоставляются некоторые пределы допустимого усмотрения при определении того, как они выполняют свои обязательства, предусмотренные данным положением Конвенции. Сфера действия обязательства, предусмотренного статьей 13 Конвенции, различается в зависимости от характера жалобы заявителя на нарушение Конвенции. Вместе с тем средство правовой защиты, наличие которого требуется в соответствии со статьей 13 Конвенции, должно быть «эффективным» как по закону, так и на практике (см. Постановление Европейского Суда по делу «Макглинчи и другие против Соединенного Королевства» (*McGlinchey and Others v. United Kingdom*) от 29 апреля 2003 г., жалоба № 50390/99, § 62).

218. Если, как в настоящем деле, Европейский Суд приходит к выводу о нарушении статьи 3 Конвенции, присуждение компенсации за причиненный моральный вред должно, как правило, быть

предусмотрено среди иных доступных средств правовой защиты (см. *ibid.*, а также упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Иовчев против Болгарии» (*Iovchev v. Bulgaria*), § 143).

219. В настоящем деле Европейский Суд отмечает, что часть 1 статьи 1 Закона об ответственности действительно толковалась судами Болгарии как применимая к случаям причинения заключенным вреда в результате ненадлежащих условий содержания (см. выше §§ 63–64). Однако, по утверждению властей Болгарии, помещение заявителя в Пастрский приют социальной защиты не рассматривалось как содержание под стражей по смыслу внутригосударственного законодательства (см. выше §§ 108–111). Таким образом, у него не было права на компенсацию в связи с ненадлежащими условиями проживания в приюте. Более того, отсутствуют судебные прецеденты, в которых было бы признано, что данное положение применялось к жалобам на неудовлетворительные условия проживания в приютах социальной защиты (см. выше § 65), и власти Болгарии не представили доводов в подтверждение обратного. Принимая во внимание вышеизложенные соображения, Европейский Суд приходит к выводу, что рассматриваемые средства правовой защиты не были эффективными по смыслу статьи 13 Конвенции.

220. Что касается ссылки властей Болгарии на процедуру восстановления дееспособности (см. выше § 215), Европейский Суд считает, что, даже предполагая, что в результате использования этого средства правовой защиты заявитель мог бы добиться восстановления дееспособности и покинуть приют, ему не была бы предоставлена какая-либо компенсация за то, как с ним обращались во время его нахождения там. Следовательно, данное средство правовой защиты не обеспечивало соответствующего восстановления прав.

221. Таким образом, по делу было допущено нарушение статьи 13 Конвенции во взаимосвязи со статьей 3 Конвенции.

V. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ПУНКТА 1 СТАТЬИ 6 КОНВЕНЦИИ

222. Заявитель жаловался на то, что законодательство Болгарии не предоставляло ему возможности обратиться в суд с целью восстановления его дееспособности. Он ссылаясь на пункт 1 статьи 6 Конвенции, который в соответствующей части гласит:

«Каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях... имеет право на справедливое... разбирательство дела... судом...».

A. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

223. Большая Палата Европейского Суда отмечает, что власти Болгарии настаивали на доводе

о исчерпании внутригосударственных средств правовой защиты, который они заявили в ходе рассмотрения дела в Палате Европейского Суда. Их довод был основан на статье 277 ГПК Болгарии, которая, по мнению властей Болгарии, предоставляла заявителю право лично обратиться в суд для восстановления его дееспособности.

224. Большая Палата Европейского Суда отмечает, что в решении относительно приемлемости жалобы для рассмотрения по существу от 29 июня 2010 г. Палата Европейского Суда отметила, что заявитель оспаривал доступность указанного средства правовой защиты, которое, по мнению властей Болгарии, позволило бы ему добиться пересмотра его правового статуса, и что данный довод служил основанием для его жалобы на нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции. Палата Европейского Суда рассмотрела довод властей Болгарии одновременно с жалобой в этой части по существу. Большая Палата Европейского Суда не усматривает оснований, чтобы отступить от вывода Палаты Европейского Суда в этом отношении.

В. СУЩЕСТВО ЖАЛОБЫ

1. Доводы сторон

225. Заявитель утверждал, что он не мог лично инициировать производство для восстановления его дееспособности по статье 277 ГПК Болгарии и что это подтверждалось решением Верховного суда № 5/79 (см. выше § 51). В качестве доказательства данного довода заявитель указал, что Дупницкий районный суд отказался рассматривать его заявление о судебном пересмотре отказа мэра инициировать производство на основании того, что попечитель не подписал доверенность (см. выше §§ 39–40).

226. Кроме того, несмотря на то, что иск о восстановлении дееспособности не был доступен заявителю, он попытался подать такой иск через прокуратуру, мэра и своего попечителя (директора приюта). Однако поскольку ни одного заявления не было зарегистрировано в судах, все его попытки были безуспешными. Следовательно, у заявителя никогда не было возможности добиться рассмотрения его дела судом.

227. Власти Болгарии утверждали, что статья 277 ГПК Болгарии предоставляла заявителю прямой доступ к суду в любое время для пересмотра его правового статуса. Они указали, что, в отличие от того, что утверждал заявитель, в решении Верховного суда № 5/79 статья 277 ГПК Болгарии толковалась как означавшая, что лица, ограниченные в дееспособности, могли напрямую обращаться в суды с целью отмены попечительства. Единственным условием для подобного обращения было представление доказательств улучшения их состояния. Однако, как показало медицинское

обследование, проведенное по запросу прокурора (см. выше § 37), состояние заявителя оставалось прежним, и он был неспособен действовать в своих интересах. Следовательно, в распоряжении заявителя не было соответствующих доказательств. Таким образом, власти Болгарии пришли к выводу, что заявитель не пытался обратиться в суд самостоятельно, поскольку у него не было доказательств, подтверждающих его утверждения.

228. Власти Болгарии далее отмечали, что суды регулярно рассматривали заявления о восстановлении дееспособности, поданные, например, его попечителем (см. выше § 52).

2. Мнение Большой Палаты Европейского Суда

(а) Общие принципы

229. Европейский Суд напоминает, что пункт 1 статьи 6 Конвенции обеспечивает каждому лицу право на рассмотрение в судебном порядке любого спора, относящегося к его гражданским правам и обязанностям (см. Постановление Европейского Суда по делу «Голдер против Соединенного Королевства» (*Golder v. United Kingdom*) от 21 февраля 1975 г., жалоба № 4451/70, § 36). На «право на суд», отдельным аспектом которого является право на доступ к суду, может ссылаться любое лицо, которое утверждает на доказуемых основаниях, что вмешательство в его гражданские права является незаконным, и жалуется на то, что ему не было предоставлено возможности представить свое требование на рассмотрение суда, соответствующего критериям пункта 1 статьи 6 Конвенции (см., *inter alia*, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Роуч против Соединенного Королевства» (*Roche v. United Kingdom*) от 19 октября 2005 г., жалоба № 32555/96, § 117, и Постановление Европейского Суда по делу «Салонтайи-Дробняк против Сербии» (*Salontaji-Drobnjak v. Serbia*) от 13 октября 2009 г., жалоба № 36500/05, § 132).

230. Право на доступ к суду не является абсолютным и может подлежать ограничениям. Возможность данных ограничений подразумевается, поскольку право на доступ к суду «по своей природе требует регулирования со стороны государства, регулирования, которое может быть различным в зависимости от времени и места в соответствии с потребностями и ресурсами общества и отдельных лиц» (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Эшингдейн против Соединенного Королевства» (*Ashingdane v. United Kingdom*), § 57). При осуществлении такого регулирования Договаривающиеся Государства обладают определенными пределами усмотрения. Хотя окончательное решение о соблюдении требований Конвенции остается за

Европейским Судом, в задачу последнего не входит подмена своей оценкой мнения властей страны относительно того, какая политика была бы наилучшей в этой сфере. Тем не менее применяемые ограничения не должны сужать доступ лица к суду таким образом и в такой степени, что будет затронута сама сущность данного права. Кроме того, ограничение не соответствует пункту 1 статьи 6 Конвенции, если оно не преследует правомерной цели и отсутствует разумная соразмерность между использованными средствами и преследуемой целью (см. *ibid.*, а также среди многих прочих примеров Постановление Европейского Суда по делу «Кордова против Италии» (*Cordova v. Italy*) от 30 января 2003 г., жалоба № 40877/98, § 54, и обобщение соответствующих принципов в Постановлении Европейского Суда по делу «Файед против Соединенного Королевства» (*Fayed v. United Kingdom*) от 21 сентября 1994 г., § 65, Series A, № 294-B).

231. Более того, Конвенция предназначена гарантировать права, которые являются не иллюзорными или теоретическими, а реальными и эффективными. Это особенно применимо к гарантиям, закрепленным в статье 6 Конвенции, ввиду важного места, которое занимает в демократическом обществе право на справедливое судебное разбирательство со всеми гарантиями, предусмотренными в данной статье (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Принц Ганс-Адам II Лихтенштейнский против Германии» (*Prince Hans-Adam II of Liechtenstein v. Germany*) от 12 июля 2001 г., жалоба № 42527/98, § 45).

232. Наконец, Европейский Суд отмечает, что в большинстве рассмотренных им дел, связанных с «душевнобольными» лицами, производство на внутригосударственном уровне касалось лишения их свободы, поэтому оно анализировалось с точки зрения статьи 5 Конвенции. Однако Европейский Суд последовательно указывал, что «процессуальные» гарантии, предусмотренные пунктами 1 и 4 статьи 5 Конвенции, почти всегда аналогичны тем, которые установлены в пункте 1 статьи 6 Конвенции (см., например, упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Винтерверп против Нидерландов» (*Winterwerp v. Netherlands*), § 60, Постановление Европейского Суда по делу «Санчес-Райс против Швейцарии» (*Sanchez-Reisse v. Switzerland*) от 21 октября 1986 г., жалоба № 9862/82, §§ 51 и 55, Постановление Европейского Суда по делу «Кампанис против Греции» (*Kampanis v. Greece*) от 13 июля 1995 г., жалоба № 17977/91, § 47, и Постановление Европейского Суда по делу «Илийков против Болгарии» (*Ilijkov v. Bulgaria*) от 26 июля 2001 г., жалоба № 33977/96, § 103). В упомянутом выше деле «Штукатуров против Российской Федерации» (*Shtukaturov v. Russia*), § 66, при определении того, было ли производство по делу о лишении дееспособности в целом справедливым, Европейский Суд принял во внимание, *mutatis mutandis*, свою прецедентную практику, касающуюся подпункта «е» пункта 1 и пункта 4 статьи 5 Конвенции.

способности в целом справедливым, Европейский Суд принял во внимание, *mutatis mutandis*, свою прецедентную практику, касающуюся подпункта «е» пункта 1 и пункта 4 статьи 5 Конвенции.

(b) Применение вышеизложенных принципов в настоящем деле

233. Европейский Суд прежде всего отмечает, что в настоящем деле стороны не оспаривали применимость статьи 6 Конвенции к производству о восстановлении дееспособности. Заявитель, чья дееспособность была ограничена, жаловался на то, что законодательство Болгарии не предоставляло ему непосредственного доступа к суду, чтобы требовать восстановления своей дееспособности. Европейский Суд уже устанавливал, что производство о восстановлении дееспособности является решающим для спора «о гражданских правах и обязанностях» (см. Постановление Европейского Суда по делу «Маттер против Словакии» (*Matter v. Slovakia*) от 5 июля 1999 г., жалоба № 31534/96, § 51). Таким образом, пункт 1 статьи 6 Конвенции применим в настоящем деле.

234. Остается определить, был ли доступ заявителя к суду ограничен, и если да, преследовало ли ограничение правомерную цель, и было ли оно соразмерно ей.

235. Европейский Суд в первую очередь отмечает разногласие между сторонами относительно того, было ли у лица, ограниченного в дееспособности, *locus standi* для того, чтобы обратиться непосредственно в суды Болгарии для восстановления дееспособности. Власти Болгарии утверждали, что это было так, а заявитель утверждал обратное.

236. Европейский Суд принимает довод заявителя о том, что для того, чтобы обратиться в суд Болгарии, лицо, в отношении которого установлено попечительство, должно было заручиться согласием лиц, упомянутых в статье 277 ГПК Болгарии 1952 года (которая стала статьей 340 в новом ГПК Болгарии 2007 года). Список лиц, уполномоченных обращаться в суд согласно законодательству Болгарии, не включает лиц, в отношении которых установлено попечительство (см. выше §§ 45 и 51).

237. Что касается решения Верховного суда от 1980 года (см. выше § 51), Европейский Суд отмечает, что, хотя четвертое предложение пункта 10 данного решения, взятое само по себе, может создать впечатление, что лицо, в отношении которого установлено попечительство, имело непосредственный доступ к суду, Верховный суд объяснил далее, что, если попечитель ограниченного в дееспособности лица и орган опеки и попечительства отказываются инициировать процесс с целью восстановления дееспособности, заинтересованное лицо может обратиться к прокурору. По мнению Европейского Суда, необходимость добиваться вмешательства прокурора плохо согласуется с прямым доступом

к суду для лиц, в отношении которых установлено попечительство, поскольку решение инициировать производство оставлено на усмотрение прокурора. Следовательно, нельзя утверждать, что решение Верховного суда от 1980 года ясно указывало на существование такого доступа в соответствии с законодательством Болгарии.

238. Европейский Суд далее замечает, что власти Болгарии не представили каких-либо судебных постановлений, которые доказывали бы, что лица, в отношении которых установлено попечительство, имели возможность обращаться по собственной инициативе в суд с целью отмены данной меры. Однако они доказали, что, по крайней мере, одно заявление о восстановлении дееспособности, поданное опекуном полностью недееспособного лица, было удовлетворено (см. выше § 52).

239. Таким образом, Европейский Суд считает установленным, что у заявителя не было иной возможности обратиться за восстановлением дееспособности, чем через посредство своего попечителя или одного из лиц, указанных в статье 277 ГПК Болгарии.

240. Европейский Суд также подчеркивает, что постольку, поскольку речь идет о доступе к суду, законодательство государства-ответчика не проводит различия между лицами, полностью лишенными дееспособности, и лицами, ограниченными в дееспособности, как заявитель. Кроме того, законодательство Болгарии не предусматривает возможности автоматического периодического пересмотра того, оставались ли основания для установления в отношении лица попечительства действительными. Наконец, в деле заявителя спорная мера не была ограничена каким-либо сроком.

241. Безусловно, право на доступ к суду не является абсолютным и требует по самой своей природе того, чтобы у государств были пределы допустимого усмотрения в этой сфере (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Эшингдейн против Соединенного Королевства» (*Ashingdane v. United Kingdom*), § 57). Европейский Суд также признает, что ограничения процессуальных прав лица, даже если оно было лишь ограничено в дееспособности, должно быть оправдано защитой самого лица, защитой интересов иных лиц или надлежащим отправлением правосудия. Однако важность осуществления данных прав различается в зависимости от цели иска, который заинтересованное лицо намерено подать в суд. В частности, право просить суд о пересмотре ограничения дееспособности является одним из наиболее важных прав заинтересованного лица, поскольку такой процесс, будучи инициированным, является решающим для осуществления всех прав и свобод, затронутых ограничением дееспособности и в немаловажной степени связанных с любыми ограничениями, которые могут быть установлены в отношении свободы лица (см. также упомя-

нутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Штукатуров против Российской Федерации» (*Shtukaturov v. Russia*), § 71). Европейский Суд, таким образом, полагает, что данное право является одним из основополагающих процессуальных прав для защиты тех лиц, кто был признан ограниченно дееспособным. Следовательно, этим лицам, как правило, должен предоставляться непосредственный доступ к судам в указанной области.

242. Однако власти государства остаются свободным при определении процедуры предоставления прямого доступа к суду. В то же время Европейский Суд считает, что, если бы внутригосударственное законодательство предусматривало определенные ограничения права на доступ к суду в данной сфере с единственной целью оградить суды от чрезмерной нагрузки и явно необоснованных заявлений, это было бы несовместимо с требованиями статьи 6 Конвенции. Тем не менее очевидно, что названная проблема может быть разрешена иными, менее ограничительными средствами, чем автоматический запрет прямого доступа, например, посредством установления ограничений количества заявлений, которые могут быть поданы за определенный период времени, или введения системы предварительного рассмотрения их приемлемости для рассмотрения по существу на основе материалов дела.

243. Европейский Суд далее отмечает, что в законодательстве 18 из 20 государств, изученных в данном контексте, предоставляется непосредственный доступ к судам любым ограниченным в дееспособности лицам, желающим обратиться за пересмотром их статуса. В 17 государствах такой доступ предоставлен даже полностью недееспособным лицам (см. выше §§ 88–90). Это указывает на то, что в настоящее время на европейском уровне наметилась тенденция предоставления недееспособным лицам непосредственного доступа к судам для подачи заявлений о восстановлении дееспособности.

244. Европейский Суд также должен отметить возрастающую важность, которую международные документы по защите лиц с психическими расстройствами в настоящее время придают предоставлению им настолько большой автономии, насколько это возможно. В этой связи он ссылается на Конвенцию ООН о правах инвалидов от 13 декабря 2006 г. и на Рекомендацию № R(99)4 Комитета министров Совета Европы о принципах правовой защиты совершеннолетних недееспособных лиц, в которых предлагается установить соответствующие процессуальные гарантии для защиты недееспособных лиц в наиболее возможной мере, обеспечить периодический пересмотр их статуса и предоставить им необходимые средства правовой защиты (см. выше §§ 72–73).

245. С учетом вышеизложенного, в частности, тенденций, проявляющихся в законодательствах стран и в соответствующих международных доку-

ментах, Европейский Суд полагает, что пункт 1 статьи 6 Конвенции должен толковаться как гарантирующий принцип, согласно которому любой, кто был признан полностью или ограниченно недееспособным, должен иметь непосредственный доступ к суду для подачи заявления о восстановлении дееспособности.

246. В настоящем деле Европейский Суд отмечает, что подобный доступ не был гарантирован с достаточной степенью определенности в законодательстве Болгарии. Это заключение позволяет сделать вывод о нарушении пункта 1 статьи 6 Конвенции, допущенном в отношении заявителя.

247. Данный вывод освобождает Европейский Суд от рассмотрения вопроса о том, предоставляли ли косвенные средства правовой защиты, указанные властями Болгарии, достаточные гарантии того, что дело заявителя будет доведено до суда.

248. Таким образом, Европейский Суд отклоняет довод властей Болгарии о неисчерпании внутренних государственных средств правовой защиты (см. выше § 223) и постановляет, что по делу было допущено нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции.

VI. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 8 КОНВЕНЦИИ, ВЗЯТОЙ В ОТДЕЛЬНОСТИ И ВО ВЗАИМОСВЯЗИ СО СТАТЬЕЙ 13 КОНВЕНЦИИ

249. Заявитель утверждал, что ограничительный режим попечительства, в том числе его помещение в Пастрский приют социальной защиты и физические условия проживания в нем, являлись необоснованным вмешательством в его право на уважение его частной жизни и жилища. Он утверждал, что законодательство Болгарии не предоставляло ему достаточного и доступного средства правовой защиты в этом отношении. Заявитель ссылался на статью 8 Конвенции, взятой в отдельности и во взаимосвязи со статьей 13 Конвенции.

Статья 8 Конвенции гласит:

«1. Каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни, его жилища и его корреспонденции.

2. Не допускается вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случаев, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц».

250. Заявитель утверждал, в частности, что режим попечительства не был адаптирован к его индивидуальному случаю, но предполагал ограничения, которые автоматически применялись к каждому лицу, признанному судом полностью или ограниченно недееспособным. Он также отмечал, что

его нахождение в Пастрском приюте социальной защиты фактически не позволяло ему принимать участие в жизни общества и развивать отношения с другими лицами по собственному выбору. Власти не пытались найти альтернативные способы терапии, не предполагавшие изоляцию от общества, или принять меры, которые бы в меньшей степени ограничивали его личную свободу, в результате чего у заявителя сформировался «синдром институционализации», то есть утрата социальных навыков и индивидуальных личностных черт.

251. Власти Болгарии оспаривали данные утверждения.

252. Принимая во внимание выводы, сделанные в соответствии со статьями 3, 5, 6 и 13 Конвенции, Европейский Суд полагает, что в настоящем деле не возникает отдельных вопросов по статье 8 Конвенции, взятой в отдельности или во взаимосвязи со статьей 13 Конвенции. Таким образом, отсутствует необходимость рассматривать жалобу в этой части.

VII. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЕЙ 46 И 41 КОНВЕНЦИИ

A. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 46 КОНВЕНЦИИ

253. Статья 46 Конвенции в соответствующих частях гласит:

«1. Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются исполнять окончательные постановления Суда по любому делу, в котором они выступают сторонами.

2. Окончательное постановление Суда направляется Комитету министров, который осуществляет надзор за его исполнением...».

254. Европейский Суд напоминает, что в соответствии со статьей 46 Конвенции Договаривающиеся Стороны принимают на себя обязательство исполнять окончательные постановления Европейского Суда по любому делу, в котором они являются сторонами, при этом надзор за исполнением осуществляет Комитет министров. Следовательно, *inter alia*, постановление, в котором Европейский Суд установил нарушение Конвенции или Протоколов к ней, создает для государства-ответчика юридическую обязанность не только выплатить заинтересованным лицам суммы, присужденные в виде справедливой компенсации, но и избрать под надзором Комитета министров меры общего и/или, в случае необходимости, индивидуального характера, которые должны быть приняты на уровне правопорядка страны для того, чтобы положить конец нарушению, установленному Европейским Судом, и по мере возможности устранить его последствия (см. Постановление Европейского Суда по делу «Ментеш и другие против Турции» (*Menteş and Others v. Turkey*) (статья 50) от 24 июля 1998 г., жалоба № 23186/94, § 24, Постановление Большой

Палаты Европейского Суда по делу «Скоццари и Джунта против Италии» (*Scozzari and Giunta v. Italy*) от 13 июля 2000 г., жалобы №№ 39221/98 и 41963/98, § 249, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Маестри против Италии» (*Maestri v. Italy*) от 17 февраля 2004 г., жалоба № 39748/98, § 47). Европейский Суд далее отмечает, что осуществляемый под надзором Комитета министров выбор средств, которые следует использовать на внутригосударственном уровне для выполнения обязательства по статье 46 Конвенции, надлежит делать в первую очередь властям соответствующего государства (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Скоццари и Джунта против Италии» (*Scozzari and Giunta v. Italy*), Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Брумареку против Румынии» (*Brumărescu v. Romania*) (справедливая компенсация) от 23 января 2001 г., жалоба № 28342/95, § 20, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Оджалан против Турции» (*Öcalan v. Turkey*) от 12 мая 2005 г., жалоба № 46221/99, § 210).

255. Однако для того, чтобы помочь государству-ответчику выполнить его обязательства в соответствии со статьей 46 Конвенции, Европейский Суд может указать тип мер индивидуального и/или общего характера, которые могут быть приняты с целью прекратить ситуацию, существование которой он установил (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Брониовский против Польши» (*Broniowski v. Poland*) от 22 июня 2004 г., жалоба № 31443/96, § 194, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Скоппола против Италии (№ 2)» (*Scorrola v. Italy*) (№ 2) от 17 сентября 2009 г., жалоба № 10249/03, § 148).

256. В настоящем деле Европейский Суд считает необходимым с учетом выше сделанного вывода о нарушении статьи 5 Конвенции указать меры индивидуального характера для исполнения настоящего Постановления. Европейский Суд подчеркивает, что он установил нарушение данной статьи Конвенции в связи с нарушением требования о том, что любое лишение свободы должно производиться «в порядке, установленном законом», и необоснованностью лишения заявителя свободы в соответствии с подпунктом «е» или иным подпунктом пункта 1 статьи 5 Конвенции. Европейский Суд также отмечает недостатки, касающиеся оценки наличия и продолжающегося характера расстройств, которые требовали помещения заявителя в приют социальной защиты (см. выше §§ 148–160).

257. Европейский Суд полагает, что для того, чтобы устранить последствия нарушения прав заявителя, власти Болгарии должны выяснить, хочет ли заявитель оставаться в соответствующем приюте. Ничто в настоящем Постановлении не должно

рассматриваться как препятствие к продолжению нахождения заявителя в Пастрском приюте социальной защиты или в любом ином приюте для лиц с психическими расстройствами, если будет установлено, что заявитель согласен на это. Однако если заявитель возражает против такого пребывания, власти должны безотлагательно пересмотреть его дело в свете выводов настоящего Постановления.

258. Европейский Суд отмечает, что он пришел к выводу о нарушении пункта 1 статьи 6 Конвенции в связи с отсутствием непосредственного доступа к суду у лиц, признанных ограниченно дееспособными, с целью потребовать восстановления их дееспособности (см. выше §§ 233–248). Принимая во внимание данный вывод, Европейский Суд рекомендует властям Болгарии рассмотреть возможность принятия необходимых мер общего характера для того, чтобы обеспечить эффективную возможность такого доступа.

В. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

259. Статья 41 Конвенции гласит:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

1. Ущерб

260. Заявитель не представил требований о возмещении материального ущерба, но просил выплатить ему 64 000 евро в качестве компенсации морального вреда.

261. Он отмечал, в частности, что находился в ненадлежащих условиях в приюте социальной защиты, и просил присудить ему 14 000 евро в этом отношении. Заявитель утверждал, что в связи с его помещением в Пастрский приют социальной защиты он испытал тревогу, страдания и разочарование с того самого момента, когда в декабре 2002 года его поместили в приют. Его принудительное помещение в приют также имело значительные последствия для его жизни, поскольку он был исключен из своего социального круга и был подчинен очень строгому режиму, в результате чего реинтеграция в общество стала для него более сложной. Он утверждал, что, несмотря на отсутствие аналогичной прецедентной практики относительно неправомерного лишения свободы лиц с психическими расстройствами в приюте социальной защиты, необходимо было принять во внимание размер справедливой компенсации, которую Европейский Суд присуждал в делах, касавшихся неправомерного лишения свободы в психиатрических учреждениях. Заявитель ссылался, например, на Постановление Европейского

Суда по делу «Гайчи против Венгрии» (Gajcsi v. Hungary) от 3 октября 2006 г., жалоба № 34503/03, §§ 28–30, и на упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Каяджиева против Болгарии» (Kayadjieva v. Bulgaria), § 57), отметив, что он был лишен свободы в течение значительно более длительного периода, чем заявители в упомянутых выше делах. Он утверждал, что сумма в размере 30 000 евро будет являться справедливой компенсацией в этом отношении. Наконец, заявитель добавил, что отсутствие у него доступа к суду для того, чтобы добиваться восстановления его правового статуса, ограничило осуществление им ряда свобод в сфере личной жизни, причинив ему моральный вред, в качестве компенсации которого он просил присудить ему 20 000 евро.

262. Власти Болгарии считали, что требования заявителя были чрезмерными и необоснованными. Они утверждали, что, если Европейский Суд сочтет нужным присудить заявителю какие-либо суммы в качестве компенсации морального вреда, они не должны превышать те, которые присуждались им по делам против Болгарии, связанным с принудительной госпитализацией в психиатрические учреждения. Власти Болгарии ссылались на упомянутые выше Постановления Европейского Суда по делам «Каяджиева против Болгарии» (Kayadjieva v. Bulgaria), § 57, «Варбанов против Болгарии» (Varbanov v. Bulgaria), § 67, и на Постановление Европейского Суда по делу «Кепенеров против Болгарии» (Kepenerv v. Bulgaria) от 31 июля 2003 г., жалоба № 39269/98, § 42).

263. Европейский Суд отмечает, что в настоящем деле он установил нарушения нескольких положений Конвенции, а именно ее статей 3, 5 (пункты 1, 4 и 5), 6 и 13. Он полагает, что заявитель должен был испытать страдания в результате его помещения в приют, которое имело место в декабре 2002 года и продолжается по настоящее время, а также вследствие невозможности добиться судебного пересмотра данной меры и отсутствия доступа к суду для того, чтобы обратиться с требованием об отмене попечительства. Эти страдания, без сомнения, вызывали у него чувства беспомощности и тревоги. Европейский Суд также полагает, что заявителю был причинен моральный вред в связи с унижающими достоинство условиями проживания, которые он вынужден был терпеть на протяжении более семи лет.

264. Принимая решение на основании принципа справедливости, как того требует статья 41 Конвенции, Европейский Суд считает, что заявителю следует присудить 15 000 евро в качестве компенсации морального вреда.

2. Судебные расходы и издержки

265. Заявитель не представил каких-либо требований в отношении возмещения судебных расходов и издержек.

3. Процентная ставка при просрочке платежей

266. Европейский Суд полагает, что процентная ставка при просрочке платежей должна определяться исходя из предельной кредитной ставки Европейского центрального банка плюс три процента.

На основании изложенного Большая Палата Европейского Суда:

1) *отклонила* единогласно предварительные доводы властей Болгарии о неисчерпании внутренних государственных средств правовой защиты;

2) *постановила* единогласно, что по делу было допущено нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции;

3) *постановила* единогласно, что по делу было допущено нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции;

4) *постановила* единогласно, что по делу было допущено нарушение пункта 5 статьи 5 Конвенции;

5) *постановила* единогласно, что по делу было допущено нарушение статьи 3 Конвенции, взятой в отдельности и во взаимосвязи со статьей 13 Конвенции;

6) *постановила* единогласно, что по делу было допущено нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции;

7) *постановила* 13 голосами «за» при четырех – «против», что отсутствует необходимость рассматривать жалобу на нарушение статьи 8 Конвенции, взятой в отдельности и во взаимосвязи со статьей 13 Конвенции;

8) *постановила* единогласно, что:

(а) власти государства-ответчика должны выплатить заявителю в течение трех месяцев 15 000 (пятнадцать тысяч) евро в качестве компенсации морального вреда, подлежащие переводу в валюту государства-ответчика по курсу, действующему на дату выплаты;

(б) по истечении указанного трехмесячного срока и до момента выплаты на указанные суммы должны начисляться простые проценты в размере предельной годовой кредитной ставки Европейского центрального банка, действующей в период невыплаты, плюс три процента;

9) *отклонила* единогласно оставшуюся часть требований заявителя о справедливой компенсации.

Совершено на английском и французском языках, оглашено в открытом судебном заседании во Дворце прав человека в г. Страсбурге 17 января 2012 г.

Венсан БЕРЖЕ
Юрисконсульт Суда

Сэр Николас БРАТЦА
Председатель
Большой Палаты Суда

В соответствии с пунктом 2 статьи 45 Конвенции и пунктом 2 правила 74 Регламента Европейского Суда к настоящему Постановлению прилагаются следующие отдельные мнения судей:

(а) совместное частично особое мнение судей Франсуазы Тюлькенс, Дина Шпильманна и Юлии Лаффранк;

(b) частично особое мнение судьи Здравки Калайджиевой.

СОВМЕСТНОЕ ЧАСТИЧНО ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЕЙ ФРАНСУАЗЫ ТЮЛЬКЕНС, ДИНА ШПИЛЬМАННА И ЮЛИИ ЛАФФРАНК

Мы без колебаний проголосовали за вывод о нарушении статьи 5 Конвенции, а также статьи 3 Конвенции, взятой в отдельности и во взаимосвязи со статьей 13 Конвенции. Мы также проголосовали за вывод о нарушении статьи 6 Конвенции и считаем, что настоящее Постановление может в значительной мере способствовать усилению защиты лиц, находящихся в уязвимом положении, как заявитель. Однако мы не согласны с решением большинства судей о том, что по делу не возникает отдельных вопросов с точки зрения статьи 8 Конвенции или статьи 8 Конвенции во взаимосвязи со статьей 13 Конвенции и что поэтому отсутствует необходимость рассматривать жалобу в данной части (см. § 252 настоящего Постановления и пункт 7 резолютивной части).

Мы хотели бы напомнить о том, что заявитель утверждал, что ограничительный режим попечительства, в том числе его помещение в Пастрский приют социальной защиты и материальные условия проживания в нем, представляли собой обоснованное вмешательство в его право на уважение личной жизни и жилища (см. § 249 настоящего Постановления). Он утверждал, что законодательство Болгарии не предоставляло ему какого-либо надлежащего и доступного средства правовой защиты в этом отношении. Кроме того, он уточнил, что режим попечительства не был адаптирован к его случаю, а речь шла об ограничениях, автоматически применявшихся к любому лицу, признанному судом недееспособным. Он также добавил, что обязанность проживать в Пастрском приюте социальной защиты для него приравнивалась к запрету принимать участие в жизни общества и устанавливать отношения с иными лицами по своему выбору. Власти государства-ответчика не пытались найти другие способы терапии, не предполагающие изоляцию от общества, или принять меры, в меньшей степени ограничивающие его личную свободу, в результате чего у заявителя развился «синдром институционализации», то есть утрата социальных навыков и индивидуальных личностных черт (см. § 250 настоящего Постановления).

По нашему мнению, все эти вопросы заслуживали отдельного рассмотрения. Конечно, большая часть утверждений, сделанных на основании статьи 8 Конвенции, аналогична тем, которые были приведены по смыслу статей 3, 5 и 6 Конвенции. Однако они не являются идентичными, и ответы, которые дает настоящее Постановление в отношении данных положений Конвенции, не исчерпывают полностью жалобы, поданные на основании статей 8 и 13 Конвенции.

В частности, вопрос, который в равной мере заслуживал отдельного изучения, касался периодических пересмотров ситуации заявителя. Он утверждал, что законодательство Болгарии не предусматривало автоматического периодического пересмотра необходимости продолжения его ограничения дееспособности. Возможно, было бы полезно рассмотреть вопрос о том, существует ли у государств позитивное обязательство создать надлежащую процедуру пересмотра, особенно в ситуациях, когда соответствующие лица не способны понять последствия периодического пересмотра и не могут сами инициировать такую процедуру.

ЧАСТИЧНО ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ЗДРАВКИ КАЛАЙДЖИЕВОЙ

Я без сомнений присоединилась к выводам, касавшимся жалоб заявителя на нарушения статей 3, 5 и 6 Конвенции. Однако так же, как и судьи Тюлькенс, Шпильманн и Лаффранк, я сожалею о заключении большинства судей о том, что ввиду данных выводов отсутствовала необходимость отдельно рассматривать жалобы на нарушение статьи 8 Конвенции в связи с «системой попечительства, в том числе отсутствием периодических пересмотров продолжавшейся обоснованности данной меры, назначением директора Пастрского приюта социальной защиты [попечителем] и предполагаемым отсутствием проверки решений директора приюта, а также ограничениями личной жизни, к которым привели помещение заявителя в приют против его воли, отсутствие контактов с окружающим миром и условия отправки корреспонденции» (см. § 90 Решения о приемлемости жалобы от 29 июня 2010 г.). По моему мнению, жалобы заявителя на нарушение статьи 8 Конвенции являются вопросом первостепенного значения в настоящем деле.

В своей предшествующей прецедентной практике Европейский Суд высказывал мнение о том, что дееспособность лица является решающим фактором для осуществления всех прав и свобод, и в немаловажной степени связанных с любыми ограничениями, которые могут быть установлены в отношении свободы лица (см. Постановление Европейского Суда по делу «Штукатуров про-

тив Российской Федерации» (Shtukatur v. Russia) от 27 марта 2008 г., жалоба № 44009/05¹, § 71, Постановление Европейского Суда по делу «Салонтайи-Дробняк против Сербии» (Salontaji-Drobnjak v. Serbia) от 13 октября 2009 г., жалоба № 36500/05, § 140, и последующие, и среди последних примеров Постановление Европейского Суда по делу «Х и Y против Хорватии» (X and Y v. Croatia) от 3 ноября 2011 г., жалоба № 5193/09, §§ 102–104).

Не вызывает сомнения тот факт, что ограничение дееспособности представляет собой вмешательство в право на уважение личной жизни, что может привести к нарушению статьи 8 Конвенции, если не будет доказано, что оно было осуществлено «в соответствии с законом», преследовало одну или более правомерных целей и было «необходимо» для их достижения.

В отличие от ситуации заявителей в упомянутых выше делах возможности заявителя в настоящем деле выполнять обычные действия в повседневной жизни и заключать действительные юридические сделки с согласия попечителя были признаны сторонами. Законодательство Болгарии и решения ее судов давали ему право просить и получать социальную защиту в соответствии с его потребностями и предпочтениями, если он того хотел, или отказываться от такой защиты ввиду качества предоставляемых услуг и/или любых подразумеваемых ограничений, которые он не был готов принять. Ничто в законодательстве Болгарии или в личной ситуации заявителя не оправдывало дальнейших ограничений или подмены воли заявителя оценкой его наилучших интересов попечителем.

Однако после признания заявителя ограниченно дееспособным он был лишен возможности действовать в собственных интересах, и отсутствовали достаточные гарантии того, чтобы с ним не обращались *de facto* как с полностью недееспособным лицом. Никем не оспаривалось, что его не спрашивали, хотел ли он воспользоваться возможностью помещения в учреждение социальной защиты, и что он даже не имел права самостоятельно решать, как проводить свое время или тратить оставшуюся часть своей пенсии, посещать ли и когда друзей, родственников или другие места, отправлять и получать письма или иным образом общаться с внешним миром. Не было представлено обоснований того факта, что заявитель был лишен возможности действовать в соответствии с его предпочтениями в пределах, установленных

судами и законом, и что вместо надлежащей помощи со стороны официально назначенного попечителя соблюдение наилучших интересов заявителя полностью зависело от доброй воли или небрежности попечителя. В этом отношении отсутствие уважения признанной личной автономии заявителя нарушило его право на личную жизнь и достоинство, гарантированное статьей 8 Конвенции, и не соответствовало современным стандартам обеспечения необходимого уважения волеизъявлений и предпочтений, которые он мог выражать.

Положение заявителя еще больше усугублялось отсутствием у него возможности воспользоваться любым средством для независимой защиты его прав и интересов. Любая попытка воспользоваться таким средством зависела от первоначального одобрения попечителя, который также являлся директором и представителем учреждения социальной защиты. В этой связи выбор большинства судей в пользу того, чтобы не рассматривать отдельно жалобы заявителя по статье 8 Конвенции, привел к отказу от осуществления отдельной проверки относительно отсутствия гарантий реализации данных прав перед лицом потенциального или даже очевидного конфликта интересов, фактор, который, по-видимому, имеет решающее значение для необходимой защиты уязвимых лиц от возможного злоупотребления и является равно уместным для жалоб заявителя на нарушение статей 6 и 8 Конвенции.

Несмотря на то, что обе стороны предоставили информацию, согласно которой производство о восстановлении дееспособности было не только в принципе возможно, но и было успешно использовано в некотором количестве дел, заявитель справедливо жаловался на то, что возбуждение такого производства в его деле зависело от одобрения попечителя. По-видимому, право попечителя блокировать любые попытки инициировать производство в суде не только повлияло на право заявителя на доступ к суду для целей восстановления дееспособности, но и помешало возбуждению какого-либо производства с целью защиты интересов и прав заявителя, в том числе тех, которые пользуются защитой статьи 5 Конвенции. Как утверждали представители заявителя в судах Болгарии, [ему] «должна была быть предоставлена возможность самому решать с учетом условий жизни в приюте, отвечало ли его интересам продолжение нахождения в нем» (см. § 38 настоящего Постановления).

¹ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2009. № 2 (примеч. редактора).